

СЕРГЕЙ СЛЮСАРЕНКО

ШАГ В НЕБО

Сергей Слюсаренко

Шаг в небо

«Автор»

2008

Слюсаренко С. С.

Шаг в небо / С. С. Слюсаренко — «Автор», 2008

Легко быть магом в ролевой игре и воевать деревянным мечом с игрушечным злом. Легко быть молодым и беззаботным. Но кем станешь ты, когда твой мир уничтожен, когда ни у кого нет сил бороться, когда враг жесток и холоден. Что нужно пройти и испытать, чтобы сказать – человек может все? Все. Даже умереть за любовь и честь.

© Слюсаренко С. С., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	30
Глава восьмая	35
Глава девятая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Слюсаренко

Шаг в небо

Сыграй свою роль. Свою, не чужую. Ту, от которой зарыдает небо.

ПРОЛОГ

Через полчаса утро растворит ночную тьму. Тревожно побелеет свод небес, очерчивая стволы деревьев. Но ещё раньше начнут свой разговор птицы. И не надо будет при каждом звуке ночного леса хвататься за меч.

Крепостная стена пока неразличима в темноте. За стеной Зло. Зло будет повержено. Иначе зачем здесь я? Важно дождаться истошного зова зверя Ангевара – сигнала к началу боя. Но пока лишь утренняя роса покрыла меч и латы. И только напряженное дыхание моих воинов тревожит ночную тишину. Нас десять латников и я, маг Синего меча.

Сердце в предчувствии близкой схватки забилось гулко и редко. Вот уже звезды начали исчезать в светлеющем над головой небе. А потом пришел вопль Ангевара. Но для моих бойцов не надо было никакого сигнала – они чувствовали мир каждой частичкой души. Я успел лишь сжать рукоять Синего меча – Инденура, а крики латников уже распороли тишину спящего леса. В крепости раздалась суетливые команды. А они проспали!!! Как стая боевых котов мы ринулись на приступ. Зря они рассчитывали на крепость дубовых ворот. Моя магия сильнее.

– Аперипор!!! – заклинание вылетело из моих уст, разрывая хитроумные запоры на воротах.

Анго, мой оруженосец, не соблюдая никаких правил, ринулся первым в щель разверзающихся ворот. Мальчишка! Сколько раз ему повторять! Удар меча поперек груди свалил его глубокий в крепостной ров. Нельзя идти на штурм вражеских укреплений без магии. Анго, Анго, надеюсь, ты останешься жив.

В распахнувшиеся ворота высыпалась горсть вражеских латников. Они надеются отбросить нас назад. Яркие плюмажи, uniformные латы, не чета нашей, потертой в боях амуниции. Конечно, богатство Донгура, главного мага замка, известно всем. Но не деньги рубятся на мечах. Легким пассом я окружил себя защитной сферой. По правилам я не имею права участвовать в поединках с не-магами. Но не-маг всегда может вонзить мне в спину кинжал.

Зофо был лучшим фехтовальщиком у меня в отряде. Его манера боя изящна и эффективна. Сбить с толку противника и сделав вид, что спина не защищена, приманить еще одного. Потом перехватить удар глубокой отмашкой за спину. И потом изящным вольтом поразить сразу двоих. Те, кто был не знаком с его искусством, всегда попадались на этот трюк. Но...

– Командор! Я бросаю тебе вызов! Не надо тратить силу своих вассалов! – раздалось с крепостной стены.

Донгур все-таки решился. Редкая схватка кончается битвой Магов. Куда проще разбраться силами простолюдинов – латников. А тот, кто проиграл в схватке магов – перестает быть магом навсегда. И сила его переходит к победителю. Но не время праздновать труса, я верю в силу своей магии? Моя рука, скрытая до сих пор складками мантии, поднялась вверх, пальцы сложены в двойной крест. Знак, знакомый только трубачу-сигнальщику и Мастеру. Печальный звук корнета-А-пистон остановил бой. Нехотя опустили мечи воины – мои соратники и защитники крепости Зла. Сигнал «Всем – Стоять» – строг и не терпит промедления. Как всегда неведомо откуда, вышел Великий Мастер. Его роскошная свита шла чуть позади.

– Браво, браво, – Мастер говорил, не повышая голоса. Кто захочет – услышит. А кто не захочет, тот не придет сюда. – Вы поступили, как настоящие воины! Давно не было у нас боя

магов. Что же, Донгур, Черный маг седьмого Холма, и ты Командор, светлый маг Синего меча. Выходите на битву!

Бой магов понятен только посвященным. Здесь нет ни жаркой рубки на мечах, ни изящных движений, ни напряжения противостояния. Здесь борьба знаний, борьба внутренней силы. Я первым вышел на место поединка. Я, Командор, маг первой ступени, только за день до этого посвященный, впервые в бою во главе отряда, был вынужден принять бой от самого Донгура. Бой, которого, пожалуй, не видел никто из моих латников.

Мастер стоял, окруженный свитой. Ива стояла ближе всех к Мастеру. Ива, я не ждал такого от тебя... Но я Маг. И мне все человеческое чуждо.

Врата замка со злобным скрежетом распахнулись, выпуская на место боя Донгура. Его белая мантия, вышитая, как сплетничали, настоящей золотой нитью, развивалась в легких струйках утреннего ветерка. Длинные, черные как смоль волосы, перехваченные серебряным обручем, струились, словно змеи по белой ткани мантии. В руках Донгур сжимал восточный меч, покрытый вязью тайных заговоров. Конечно, в простом бою такой меч разрежет мой Инденур как соломинку, но кто же я без магии?

– Донгур! Черный маг! – мой голос гремел над утренним лесом, – готов ли ты принять честный бой от меня, Командора, светлого мага, теперь и с соблюдением всех правил магического боя? Готов ли ты пасть в бою?

Я произнес обязательную формулу вызова.

– Да, Командор, я... – начал Донгур формулу ответа. Но тут у меня в кармане зазвонил сотовый.

Глава первая

– Вашу мать!!! – взревел Великий Мастер, Гоша Пыльцын. – Я, что зря вас, придурков предупреждал? За звонок мобильного во время игры – на хер!

– Ой, Гоша... – меня бросило в жар от смущения и стыда.

– Я тебе не Гоша! Игра не окончена!

– Прости, Мастер, я в твоей власти, – это была формула подчинения.

– Иди ты на..., – Гоша не считал нужным в этой ситуации придерживаться им же установленных правил, – тоже мне, воин, пере...м-э-э...портил всю игру! – и продолжил уже обращаясь ко всем:

– Я, Великий Мастер, объявляю бой магов оконченным. Победил Донгур в примапрове. Бой продолжают латники.

Донгур, он же Сашка Сотников, старый мой приятель, строго придерживаясь роли, подошел и разломал мой меч об колено. Ну конечно, он купил за немереные бабки свой «японский меч» в Центральном «Воен-Охоте». А мой Инденур, хоть и четких линий, но все равно сделан из липы.

На поляне сошлись латники. Неловко размахивая палками, которые они называли мечами, воины пытались огреть друг друга по железкам, имитирующим латы. Ну что же, обычная ролевка. На фиг я связался с ними? Конечно, Ива так захватывающе рассказывала об играх, что я и сам поверил в то, что это настоящая жизнь, настоящая романтика. Вон в прошлую, первую для меня игру, мне так повезло, что я разгадал весь путь великого Имама и был удостоен звания мага. Гоша, пожимая мне руку после игры, сказал, что у меня большие перспективы.

Короче, сегодня я облажался. Глупо так.

Пока народ обустроивался в лагере, перед самой разборкой игры я, наконец, решился выяснить, кто же мне звонил. Ну, конечно, родители. Они в отпуске, в Ялте. Чтобы не пугать их неотвеченным звонком, я позвонил и выяснил, что там все хорошо, много народа, очень жарко и все дорого. Естественно, у них все дорого, а я после их звонка в полном дерьме. Хотя, кто мешал мне выключить телефон? Сам виноват.

Вечер пришел с тихим потрескиванием сосновых веток в костре. И, хотя наш лесной лагерь ещё не угомонился, еще бегают туда-сюда не вышедшие из своей роли маги и орки и прочие упитанные эльфийки, еще гремит кованым железом в ближайших кустах Черный Рыцарь, отправившийся по нужде и потерявший равновесие в орлиной позе, но что-то вечное и спокойное уже накрывает наш маленький мирок. Я не стал участвовать в разборе, который устроил с присущей ему серьезностью и въедливой иронией Пыльцын. Понятно и так, что он скажет. Я занялся костром возле моей палатки. Ну, не совсем моей. Нашей. Палатку мы брали на троих, я и мои два старых приятеля по университету. Сашка Андрукович и Толик Марченко. Ива сказала в прошлый раз, что хорошим тоном будет привести с собой на игру пару проверенных друзей. Сашка с Толиком с удовольствием согласились побегать по лесу и «посмотреть на этих придурков», как сказал Толик. Но, не смотря на скепсис, в игру они влились самозабвенно. Я сам видел, как Сашка в бою лупцевал сосновым мечом того самого Черного Рыцаря, что все ещё гремел в кустах, по железным бокам. А теперь, после разборки игры, после похвал и критики Пыльцына, все разбредаются по палаткам. Ужин готовить, костры разводить. А я уже развел.

– Ну и как, сильно меня Мастер поймел на разборках? – спросил я моих приятелей.

– Да выкинь дурное из головы, – Сашка всегда был трезвомыслящим. – Он вообще про тебя не вспоминал. Отметил, что игра прошла почти хорошо. Ну и всякое такое. Я не следил.

– А почему не следил? – я слегка удивился. – Ведь разбирали, что и как, в следующий раз могли бы опыт этой игры учесть.

– Я лучше в следующий раз пойду с секцией спортивного ориентирования. – Толик так и не понял смысла ролевки. Он вообще, был любитель разных видов спорта и мечтал стать мастером. Спорта, разумеется. – Ты извини, оно, конечно, весело было палками помахать, но мне ваша игра вроде книжек с фантастикой. Чушь собачья и никакого смысла.

– Ага, в спортивном ориентировании много смысла, – мне стало обидно и за игру и за фантастику. Хотя мне нравилась книжка «Военная топография», валявшаяся дома со старых времен, и хорошо её изучил. В лесу не потеряюсь.

– Да ты что! – Толик прямо взвился. – Ведь это прикладной вид спорта. В армии пригодится, не подумал? А если война?

– С кем война? С американцами? – Рассмеялись мы с Сашкой.

– А ну вас! – Толик не захотел развивать тему. – Лучше давайте сосиски жарить. Жрать охота!

Сосиски жарили, насадив на длинные палочки, прямо над огнем. В пламени они быстро чернели и теряли съедобный вид, но пахло вкусно.

– Да оставь несколько, – остановил я не в меру разошедшегося Сашку. Он норовил зажарить сразу все. – Ива придет, тоже захочет.

– С чего ты взял, что она сюда придет? – Сашка ляпнул то ли от простоты душевной, то ли действительно хотел расправиться со всеми сосисками сам.

– Ну а куда же она придет? – не очень уверенно возразил я. – Она же моя девушка, чего ей после игры где-то там...

– По-моему тебе о-о-очень сильно мозги морочат, – ну, что они все, сговорились? Толик вот теперь! – Она там так на мастера этого залипла. Так что, давай лучше выпьем, а то как-то не того.

Я не люблю водку. И вообще, лучше пепси ничего нет. Сосиски, преданные огню, побросали в кастрюльку с томатным соусом, достали вилки, пластиковые стаканчики и устроили пир. Я конечно, для виду выпил с ними, но только для виду.

– Мужики, а вот если честно – я неожиданно для самого себя начал разговор – Вот у нас вроде все в жизни нормально, ну более-менее. А тянет на такие необычные игры. Где вроде как война, схватки, там маги и ...

– Меня – не тянет – безапелляционно сообщил Толик, – интересно было посмотреть, что тут за народ собирается.

– Ну не тянет, хрен с ним – слегка раздраженно выпалил я. Тут в голову пришла мысль такая... Тревожная и добрая, а он сразу... – Не тебя, так других. Почему мы тут вообще сидим? Ну, я не могу сказать... Мне пока кажется, что чем больше мы будем в эти игры играть – тем спокойней наша реальная жизнь будет. Ну... в общем, мне тут нравится.

– Ты, как всегда, сумбурен и невнятен, – заключил Сашка – Только все это не жизнь, а так. Вроде издевательства. Вот какие мы благородные и честные. Рыцари без страха и запора. А на самом деле... Каждый должен за себя стоять! Добро оно порождается силой!

Не знаю почему, наверное, из-за того, что я так и не смог выразит словами то, что хотел, так ни до чего внятного мы и не договорились. Как всегда ржать стали...

Пока мы возились с едой, пока болтали ни о чем, стало совсем темно. Лес словно тихонько подкрался к нам ближе и окружил наш костер. Вот потому я и люблю костер, лес, лето. Но сегодня было как-то не так. Не приходило то чувство, когда хочется просто смотреть на огонь и молчать.

– Я пойду, посмотрю, что там народ делает, – сказал я, поняв, что мне не очень интересно просто так сидеть перед костром.

– Ага, пойдй, пойдй, так ты свою Иву и найдешь, – Сашка, как выпьет, совсем несносный становится. – Тебе подсказать, где искать?

– Не зуди! – а что я ещё мог сказать?

Ночь преобразила лагерь. На большой поляне, даже можно сказать, на очень большой поляне, мерцали костры. Они освещали подступивший лес магическим светом. Странно, уже не было ни волшебников, ни воинов, ни игрушечной борьбы добра со злом – всего того мира, созданного игрой, но именно сейчас магия и волшебство царили над лагерем. Тени играли в красноватых отсветах костров, голоса были приглушенные и неразборчивые. И даже девичий смех казался смехом легкомысленных русалок. Или, наверное, дриад. Нет, точно, эльфиек! Тонких, и волшебных. Не то, что толстая Алла-Нитроэмаль. Я от нее еле отвязался.

Самый большой костер был, естественно, у стойбища мастеров. Там уже, судя по всему, трапеза подходила к концу, и кто-то теребил струны гитары.

Я надеялся, что постою чуть в тени и уйду. А чего мне тут смотреть? На то, как Ива склонила голову на плечо Пыльцыну? И слушает, как тот поет про Город Золотой? Ну, подумаешь, хорошо поет. И слушают его все зачарованно.

– О, Командор, чего прячешься! – Пыльцын что, в темноте видит? Или я все-таки на самый свет вылез? – Слушай, возьми гитару, спой! А то все я, да я! Давай, народ просит.

Интересно, кто ему сказал, что я могу? Да, что я там могу. Так, имитация. Со слухом у меня, говорят, не очень. Вернее слух есть, но вот связать его с тем, что я пытаюсь петь... Я бы не стал, но тут Ива вдруг:

– Ой, точно, спой! Ту, про город детства! Она мне так нравится!

Может, я и не прав был про Иву? Ей отказать, конечно, я не мог. Песенку я эту сам как-то сочинил. Ну, настроение такое было.

Размороженный снег
Развороченный след
Через эти врата
Больше выхода нет
Здесь живые не те
И не помнят о нас
Вместо наших домов
Только мертвый каркас

Здесь на липе давно
Нету слов о любви
Как светящийся газ
Вверх взлетели они
Как расслабленный дождь
Через солнечный круг
Мы бредём по стране
Умирающей вдруг

Где же память о нас
Разве так уж смешно
Мы ушли навсегда
Это было давно
В темноте на свету
Мы бредем наугад
И опять и опять

Лишь потерянный ад.

Странно как-то. Под эту песню я на мгновение забылся и представил себе, а вдруг и вправду – человек возвращается к родным местам, а там все не так. Все страшно и неправильно.

– А про что эта песня, я не поняла! – опять эта Алла, эльфийка по кличке Нитроэмаль, тут как тут! – Там у них, что война была, и все умерли? Это ты сам, наверное, такую глупость написал. Как это так – искать потерянный ад? Надо рай искать. И газ какой-то. Чушь, в общем. Может, это тебя газы мучают? Ребята, а кто наливает?

Ну конечно, мне понятна её злая ирония. Я бы на ее месте не обращал внимания и не расстраивался. Подумаешь, я её игнорирую. Я же не называю её в глаза Нитроэмалью! Только Нитанаэлью. Ну, найди себе кого-нибудь. У меня другие интересы, должна понимать. И тут я увидел, что на месте, где только что сидел Пыльцын с Ивой, никого нет. Ушли. Ну и я ушел.

Я сгреб тихонечко из палатки свои вещи в рюкзак и пошел на станцию. Палатку Сашка с Толиком заберут. Там подремал на лавочке в ожидании первой электрички, которая шла домой. Сквозь сон я почувствовал, как ко мне подошла какая-то собака. Видимо тут на станции живет. Пес постоял возле меня, посопел и ушел. Ему было неинтересно.

Глава вторая

Мой город просыпается поздно. Наверное, такая привычка у всех столичных городов. Вот – шесть утра, а улицы почти пусты. Конторы, заполонившие центр, открываются к девяти, правительственные офисы и того позже. Так что по улице я шел один. Говорят, что много лет назад в это время ездили поливочные машины. Причем, всегда и в одно и то же время. Ещё говорят, что они могли любого подбросить, куда надо, за пятьдесят копеек. Но, наверное, это сказки. Сейчас приду домой и завалюсь спать. Отосплюсь за все два дня этой дурацкой ролевки. Хотя, если бы я отключил мобильник, я бы, скорее всего, по-другому думал. Но, тоже не факт. Все равно настроение было бы не очень, Ива все равно ушла бы с Мастером. Ну, может, мне не так было бы противно. А тут...

Неужели я на самом деле такой никчемный? Ведь шло все хорошо, ещё немного и я бы победил, а вот нет, глупость сделал. Девушка, которая мне так нравится, и так мне дорога, вообще меня клоуном, судя по всему, считает. Может, я просто глуп и многого хочу? Вот – Аллу обидел. А она хоть дура, а, наверное, добрая и начитанная. Может, я не свое место в жизни хочу занять? Сидел бы сейчас в палатке с этой Эмалью, анекдоты неприличные ей бы рассказывал... Меня, почему-то передернуло от этой мысли. Особенно, когда я представил её смех. Хотя, зачем я так думаю? Вон, учусь в универе, не последний студент, и друзей много, и вроде все нормально. Человек как человек. Как все. Зря это я так рефлектирую. Я шел и думал о ерунде! Лучше бы посмотрел, как хорошо в утреннем городе. Солнце уже вылезло из-за домов и отражалось в мокром асфальте. А ведь он мокрый! Значит точно – поливали. А до дома уже просто два шага.

Дома хорошо. Тем более, когда ты там один, и никто тебя не дергает. Вон – на журнальном столике куча газет. И можно не складывать их, как положено. И посуду помою потом. Ту, ещё позавчерашнюю. Сейчас вот телик включу – утренние новости как раз, под них засну. Буду спать, сколько захочу! По телевизору были действительно какие-то занудные новости. О встрече президента с ветеранами движений. О том, как премьер-министр ходил в резиновых сапогах по полям колхозов и хвалил возможный урожай... Как раз поспать. Так просто, лежа напротив телевизора на диване, не раздеваясь, просто отдыхать...

– ...исключает возможность ошибок в предстартовой подготовке. Тем более что катастрофа произошла уже после отделения последней, разгонной ступени, – голос диктора, очень строгий, вырвал меня из приятного сна.

Я посмотрел на часы – ого! Уже одиннадцать. Вот это придавил хоря. Вот выспался, и все стало на свои места! Никаких глупостей в голове. Только есть хочется. Срочно на кухню.

Что я могу точно сказать, так это то, что мне осточертела, за две недели отсутствия родителей, яичница. Надо ветчины купить потом. Не сейчас. Сейчас есть хочется совершенно по зверски. Нет, яичницу тоже лень – съем сырое яйцо. И пепси ещё есть бутылка неоткрытая в холодильнике. Сделал варварское блюдо – крошил хлеба в чашку с сырым яйцом, посолил – поперчил и вернулся к телевизору. Что они там про орбиту говорили?

А по телевизору показывали экстренные новости. Бегущей строкой, в нижней части экрана, сообщалось: «Гибель на старте космического корабля „Заря-36“. Ведутся поиски спасательного модуля».

И говорящая голова диктора. Судя по всему, в новостях только об этом и говорят и непрерывно повторяют то, что говорили только что.

«Сегодня в девять часов четырнадцать минут по московскому времени в силу невыясненных причин произошла авария орбитального блока космического корабля „Заря-36“. По сообщению пресс-атташе ЦУПа именно в это время, при переходе аппарата на околоземную

орбиту прервалась связь с экипажем. Последние данные телеметрии не передали никаких нарушений в работах систем корабля. Ведутся поисково-спасательные мероприятия. Наш собственный корреспондент передает из ЦУПа.»

Сменилась картинка и на экране возникла легкомысленная девица с микрофоном. Она стояла на фоне безликого административного строения, и, после краткой паузы, начала рассказ:

«Весь Центр сейчас находится в шоке. Самый надежный корабль в истории земной космонавтики погиб. Мне удалось поговорить с одним из ответственных лиц, имя свое он попросил не разглашать, и он мне рассказал подробности. Так вот, я пересказываю его слова (далее читая по бумажке). Корабль как раз выходил на расчетную орбиту, и все было в порядке. Уже появилась связь после разгонного отрезка старта, на экранах была отличная картинка с борта. И после этого все исчезло. Как будто корабль исчез. Как ска...»

Тут, на этих словах исчезла и сама корреспондентка. Вернее, полностью исчезло изображение. На синем экране телевизора надпись – «нет сигнала». Пошелкав пультом управления, я выяснил, что столичный канал «3+2» есть, официальный 1-й есть. А ни одного московского нет. Опять, небось, не заплатили за ретрансляцию. Как всегда – на самом интересном месте! А наши местные все зудят про урожай и битву за газ. А тут такое делается! Может, все-таки скажут? Вон – скоро полдень, время новостей. Я остановился на первом местном канале. Новостей долго ждать не пришлось. И начались они странно. Диктор испугано пролопотал, что по техническим причинам отключены все спутниковые системы связи и поэтому новости пройдут по сокращенной программе без сообщений от их корреспондентов. И потом стал бубнить как обычно про новости нашего города. И реклама, реклама... Ну, наши, как всегда, в своем репертуаре. Самим лень собирать информацию, вечно чужое пересказывают, а как источник пропал – так и сказать нечего.

Ну, а Интернета нет, что ли? Как-то я неправильно себя веду, словно мозги набекрень. Поиграл в магов и забыл о цивилизации. Компьютер загрузился почти мгновенно. Но вот Интернета как раз и не было. Ну, естественно, какой Интернет, если нет спутниковой связи. А ведь мой кабель, судя по контракту, идет куда-то именно на спутниковый канал. И тут я понял – ведь все очень просто, чего я суечусь. Погиб корабль на взлете, теперь все космические системы проходят контроли всякие, перенаправляются на сбор необходимой информации. Наверное так, ведь ситуация совсем экстраординарная.

Но радио-то есть! Я был прав, когда не дал выбросить старый добрый ламповый Телефункен. Родители позволили мне сохранить эту рухлядь. Я его под тумбочку для принтера использовал. И иногда крутил ручку настройки в коротковолновых диапазонах. Прислушивался, как мне казалось к голосу вселенной, ну или как минимум планеты. Так, наверное, в старые времена диссиденты, ловя своими приемниками запрещенные голоса всякие, думали что они слушают свободный мир. А слушали на самом деле, специально для них подготовленную чушь. Ну, почти чушь.

Радио работало. Как обычно шумы, морзянка, громкие арабские и китайские голоса. Я их не понимаю. Я только французский в школе учил. Впрочем, я по радио его тоже не особенно. Они как-то невнятно говорят в жизни. Нужна практика, чтобы понимать их хорошо, нужно с носителями языка общаться. Наверное, во Францию ездить. Но это как-то совсем далеко от реальности. Ага, вот удалось поймать и по-русски. Лучше бы я этого не ловил.

«По последним данным из строя выведены все имеющиеся на орбитах Земли системы коммуникации, а также военные и научные системы. Жители Калифорнии наблюдали фантастическую картину схода с орбиты гигантской Международной космической станции. Обломки упали в океан. Правительство США выражает соболезнования семьям космонавтов и астронавтов, погибших в сегодняшних, страшных катастрофах. Неизвестная до сих пор организация „Племянники внуков Сейфа Абу Зу Язана“, объявившая себя боевым крылом Аль-Каиды

слева, уже взяла на себя ответственность за этот теракт, в один миг лишивший Землю средств орбитального базирования. Постепенно восстанавливаются системы наземной связи, замороженные в последние годы за ненадобностью». Голос диктора потонул в шумах.

Вот это да. Вот это съездил я на ролевку! Пока мы там мечами махали, тут такое! Хотя, я думаю наши игры тут не причем. Происходящее вызывало, почему-то непонятный, тревожный восторг. Как будто что-то действительно нереальное происходит вокруг. Хотя очень жалко людей.

А пока я лазил в эфире, припав ухом к хриплому динамику, начал подавать слабые признаки жизни Интернет. На первом же ожившем сайте было написано, что благодаря нечеловеческим усилиям системных администраторов удастся восстанавливать локальные сегменты сети. Связь через спутники исключена, и весь трафик идет совершенно неоптимальным путем – через радиорелейные линии, через телефоны, неучтенные кабели и прочее. Но постепенно начинает работать. И на каждом доступном сайте объяснения, почему нет связи с орбитальными средствами. Одно безумнее другого. Почему нет связи – понятно. Ведь все поломалось и, кроме того, все привычные средства связи исчезли. Крупные аппараты попадали на Землю, мелкие сгорели прямо на орбитах. Как на низких, так и на геостационарных. И никакие террористы тут не причем. И еще – крупными буквами: «Земля подвергается вторжению извне». И еще: «Все войска приведены в полную боевую готовность». Все войска – это наши или вообще – все? А пепси кончилась. Мне почему-то подумалось, что навсегда. Что уже не будет не только пепси, но и еще чего-то, очень важного. И ещё я подумал – почему моё сознание так легко и просто воспринимает происходящее? Почему я могу спокойно слушать новости, которые ещё вчера показались бы совершенно невероятными?

Обычный телефон работал. Хотя ни до Толика, ни до Сашки я дозвониться не смог. Ну конечно, они к вечеру приедут. До родителей я, естественно, дозвониться не смог. Хотя сотовые телефоны не работают через спутники и почему молчат, непонятно. Иве позвонить? Да нет её ещё дома. А нет, она уже дома!

– Ой, Андрей! Ты куда пропал? Ты чего расписывался? Что за глупости! – Ива, по моему, всерьез на меня обижалась.

– Ну, ты ведь сама ушла. Да и скучно мне было там. Одному.

– Ну что ты такое говоришь! У меня дела были. Я же должна была следующую игру обсудить. Я же хочу мастером попробовать!

– Мастером? В игре новой? А ты не знаешь, что делается кругом? – я не хотел говорить ни про мастеров, ни про игру.

– Нет, не знаю, а что делается? Я как приехала утром, так спала. Ты меня разбудил. А что делается?

– Да все спутники сожгли в космосе. Уже говорят, что вторжение на Землю, – я опять себя поймал на мысли, что ещё утром скажи мне кто-нибудь такое...

– Это ты игру новую придумываешь? – рассмеялась Ива. – Но тебе далеко ещё до мастера! Учиться надо. Мастер, он же должен все сам сначала пережить...

– Ива, а давай встретимся? Погуляем. Поболтаем.

– Давай, только не сейчас. Я ещё от игры не очухалась. Завтра, да?

– Конечно.

– Пока-пока...

Трубка пикала отбоем, а я думал, что я все-таки мнительный. Ну, нельзя же так! Я уже чуть ли не собственностью Иву считал. А ей тоже нужно общение и вообще...

Повесив трубку, я собирался пойти опять к компу, посмотреть, что в Интернете говорят о событиях. Но телефон сразу же заверещал веселым вызовом. Оказалось Толик – только приехал. Он уже был в курсе и видел все по телику. Он ещё в электричке от пассажиров узнал и про «Зарю», и про спутники. И хотя у Толика не было инета дома, о происходящем он знал

не меньше моего. Впрочем, во вторжение он не поверил, или не захотел обсуждать и сказал, что у военных тоже есть средства все спутники завалить в миг. И, что, наверное, это все-таки террористы. И потом рассказал, как вчера поздно, когда я исчез неизвестно куда, был скандал. Ива почему-то поссорилась с Пыльцыным и потом зареванная полночи сидела возле нашей палатки. Но про меня не спрашивала. А я, дурак, шлялся где-то по лесу.

По телевизору выступал сам Президент. Он выражал солидарность соседней России в связи с гибелью экипажа «Зари» и Международной станции. И говорил о сплочении в борьбе с врагом, откуда бы он ни был. И что мы всегда и всюду... И ещё три кило разной ерунды. Но ни слова не сказал, кто же враг. Он говорил о том, что вся история человечества создала нашу цивилизацию, как систему высокоорганизованных институтов, которые невозможно разрушить. И наша цивилизация – это пример гуманности и взаимопомощи и, мы все как один и каждый тоже – как все. Я это слышал уже раз десять от него. А потом позвонили родители и сказали, что сотовый у них отрубился, но они следят за событиями по радио и много народа и жарко. И чтобы я был осторожен, а то могут упасть обломки спутников. Я не понял до конца – они шутили или нет. Хотя к вечеру новости по телевизору стали уже более спокойными, и никто не говорил о вторжении. И действительно, что за чушь? А потом я спохватился и побежал в магазин через дорогу, почти перед закрытием купить хоть что-то съедобное. Там выяснилось, что все консервы раскупили. Я в шутку спросил про спички и соль. Оказалось, их тоже продали все. Откуда у людей такие инстинкты?

Среди ночи меня разбудила сирена. Я никогда раньше её не слышал так, чтобы на весь город, громко и безысходно. Она кричала как одинокий зверь, который понял, что он остался совсем один на земле. Взвыв несколько раз, сирена замолкла. Наверное, проверяли, работает ли. А мне стало страшно. Выплыл страх из детских кошмаров, безотчетный и такой – липкий и непреодолимый.

Глава третья

В десять часов утра ялтинские пляжи уже заполнены под завязку. Разделенные молами, уходящими далеко в море, они похожи на микроскопические государства. Каждый пляж – уникальное, на один день созданное, общество. Со своими законами и традициями. К этому времени уже закончены утренние схватки за место под солнцем, недалеко от среза воды установлены зонтики, обозначающие занятые удачливыми курортниками лучшие места. Все проблемы решены, пляж забит отдыхающими настолько, что добраться до воды, а тем более до пива на набережной, не наступив на чужую подстилку, невозможно. Но особых претензий к перемещающимся нет, все придаются отдыху и умиротворению.

Над пляжем царил покой. Ушлые ребята на моторных лодках катали самых смелых курортников на привязных парашютах. Остальные или купались, или, лежа на надувных матрацах, созерцали белёсый горизонт. Звенящая пустота безоблачного неба расслабляла и успокаивала. Поэтому, когда над морем на малой высоте пронеслось несколько военных самолетов, рев двигателей зло и тревожно ударил по ушам отдыхающих. Строй черных машин выглядел совершенно неестественно в этом утреннем покое.

– Наверно, сегодня авиа-праздник, вон, перехватчики резвятся, – один из пляжников проявил невиданную эрудицию. Впрочем, про авиа-праздник он придумал только что.

Истребители, или перехватчики, как назвал их все тот же знаток, не ограничились простым пролетом вдоль прибрежной полосы. Почти растворившись в жарком мареве за Медведь-горой, они вернулись в поле зрения, выскочив со стороны гор. Как раз на траверзе Ялты они перестроили свой порядок и плюнули в сторону Турции ракетным залпом.

– По мишени стреляют. Мастерятся, – произнес тот же курортник.

Куда и зачем они стреляли, на самом деле не знал никто. Через мгновение, словно в нереальном мире, ловкие истребители превратились в огненные облачка. Праздные наблюдатели не успели даже понять, что происходит. Над берегом зависла гнетущая тишина, так у человека, увидевшего что-то ужасное, но не имеющее к нему отношение, на миг замирает сердце.

В море, недалеко от берега, стали падать обломки. Пляжники, не отрываясь, смотрели вверх с надеждой увидеть купола парашютов. Но над морем все также парил только один, привязанный к катеру. И тут все увидели, как из-за горизонта, куда только что улетели ракеты перехватчиков, появилась группа летательных аппаратов незнакомых очертаний. Она шла низко-низко над морем без всякого звука и инверсионного следа. Движение завораживало и пугало одновременно. И был это скорее даже не полет, а пожирание пространства. Когда стая, мерно взмахивая короткими плоскостями, подлетела ближе, стало понятно, что таких аппаратов никто и никогда раньше не видел. Но было в этих летящих гигантах что-то чужое и злое, несущее смерть. Один из них протарахтел еле слышной очередью, как будто кто-то стрелял, накрыв пулемет подушкой. Висящий под развлекательным парашютом человек растаял кровавым туманом. Казалось, в тишине, повисшей над пляжем можно услышать звук рвущейся газеты за сотню метров.

Стая чужаков, словно в нарушение всех привычных законов аэронавтики, зависла над морем, словно присматриваясь к пляжу. Люди на берегу не могли оторваться от этого зрелища – жуткого и тревожного, словно играя с чужаками в гляделки. А потом черные аппараты пыхнули коротким пламенем, как из зажигалки. Пляж сразу отозвался – сначала криками боли, потом истеричными воплями, тех, кто не пострадал. Берег превратился в месиво камней и человеческих ошметков. Те, кто выжил в этой кровавой бане, ринулись к выходу. Обезумевшая от ужаса толпа сразу заблокировала лесенку, ведущую с пляжа на набережную. Страшные аппараты, приблизившись так, что было видно каждую царапину на обшивке, зависли над мечущейся толпой. И, подождав мгновение, короткими залпами уничтожили все живое на

пляже. При этом казалось, что крылатые машины выполняют какую-то простую, и обыденную работу. Спокойно и без эмоций. Один из них чуть отвернул в сторону и огненным плевком разнес большого надувного чебурашку, сиротливо покачивавшегося на розовой волне, на границе пляжа и моря.

Ударный авианосец Третьего Тихоокеанского флота США «Миссисипи» срочно отрабатывал процедуры перехода к боевому дежурству в особый период. Кроме того, офицеры и специалисты переключались на полную автономию сбора разведданных. Все системы навигации должны были отныне полагаться не на спутниковое глобальное позиционирование, а на данные собственных приборов. Хорошо хоть АВАКСы, кружившие высоко в небе над зоной контроля «Миссисипи», пока обеспечивали информацией. Несмотря на невероятно сложную задачу, требовавшую полной отдачи от технического персонала, в отсеках корабля царил порядок и тишина. Шла большая напряженная работа, она была расписана до самых мелочей в заранее вызубренных инструкциях и уставах.

Тем более неуместным на этом фоне прозвучал сигнал тревоги. Что ещё? Кому понадобились тренировки в такое время? В то, что тревога была не учебная, мало кто верил. На самом деле, на авианосце не было ни одного человека, знакомого с настоящей, именно боевой, тревогой. Все, чего опасались последние годы – это атаки террористов-смертников на утлых суденышках. Но не в центре же океана, где до любого берега идти и идти? Для стороннего наблюдателя корабль наполнился суетой и неразберихой. Но на самом деле каждый знал, что ему делать. Забегали матросы и обслуга, из недр многопалубного трюма на палубу стали, как гильзы из затвора, выскакивать боевые машины со сложенными крыльями. Палубные тягачи немедленно растаскивали их по штатным местам. В кабинах уже сидели пилоты. А под развернутыми крыльями люди в оранжевых жилетках прилаживали на подвесках всю необходимую в таком случае смертельную ношу. Но пока никто ничего не понимал. Да и понимать и не требовалось. Важно уложиться в нормативы. Через некоторое время кажущаяся суета прекратилась. На палубе стоял грозный строй боевых самолетов с полными баками и боекомплектами. Все ждали, что сейчас капитан поздравит с успешным выполнением норматива и даст команду сворачивать технику, а экипаж в душе помянет капитана и его учения нехорошим морским словом. Капитан действительно обратился к команде незамедлительно.

– Уважаемые господа. Это не учебная тревога. Системы дальнего обнаружения показали, что в нашем районе находится неопознанный объект стратосферного базирования. Президент отдал приказ всем средствам стратегического сдерживания перейти к полной готовности отражения агрессии, если таковая будет проявлена. Аналитики выясняют происхождение объекта. Сам объект на сигналы не реагирует, принадлежность не сообщает. Возможно это гигантский аэростат русских, потерявший управление. Но призываю всех оставаться бдительными, находиться на местах согласно расписанию и ждать указаний.

Указания долго ждать не пришлось. От странного объекта отделились два небольших летательных аппарата и взяли прямой курс на авианосец. Звено перехватчиков смогло только сообщить, что ничего подобного раньше не наблюдали. И исчезло из эфира. Системы дальней противоракетной обороны флота оказались бесполезными. Агрессоры, не нарушая синхронности строя, ушли от ракет ловким маневром. На корабле только успели понять, что маневры эти сопровождались невероятными, невозможными ускорениями. Но авианосец смог защитить себя, не зря он был гордостью флота. На ближних подступах к кораблю в дело включились скорострельные многоствольные пушки малого калибра. Они работали под полным контролем компьютера, связанного с радаром. Рывкнув короткой очередью, пушки повесили на пути чужих облако вольфрамовых микро снарядов. Небо стало непроницаемым для неведомых аппаратов, превратив их в пыль. Это было хорошо видно с палубы авианосца. А в приборных отсеках корабля прозвучало совсем нештатное, громкое «ура!». Никто не сомневался

в мощи «Миссисипи». И не успел усомниться. В небе над океаном вспыхнула белая полоса. Она соединила громаду, висевшую в стратосфере, с «Миссисипи». Казалось, для луча расстояние ничего не значило. Коротко прочертив по палубе, луч аккуратно разрезал корабль на две половинки. Через полчаса только мусор на воде напоминал о том, что лучший в мире авианосец был здесь совсем недавно.

Сержант Владимир Настоящев делал дембельский альбом. Хотя до приказа оставалось больше четырех месяцев, но такую ответственную работу надо было начинать заранее. И главное – правильно приделать на плотную обложку альбома самое дорогое – чеканный барельеф танка Т-112. Настоящеву очень повезло с этим барельефом. В последний призыв, когда пришло пополнение, Владимиру удалось первому выяснить, что Мусса Капишев – доходяга из Осетии, был на гражданке чеканщиком. Делал сувениры для туристов. В общем – Мусса сделал первую чеканку для Настоящева, а очередь к мастеру уже выстроилась ого-го! Танк был как настоящий, правда ствол орудия торчал не совсем правильно, и Настоящев даже съездил по рылу Капишеву для начала, но тот объяснил, что все дело в перспективе. Ну – пенделя дать салаге всегда надо, тем более мог бы сразу сказать про эту перспективу. Но потом Мусса совсем исправился – он на борту танка даже сделал правильный номер – именно его, Настоящего, машины. За это Настоящев даже пообещал, что когда они будут вместе в наряде, Мусса может дрыхнуть, сколько захочет. Если Мусса, конечно, сделает ещё дембельский поезд из фольги, для последней страницы альбома. Аккуратно разгладив медную картинку, Настоящев убрал остатки клея, чтобы обложка была совсем классная, как на фабрике деланная. Альбом Владимир запаковал в специальный пакет, чтобы не отсырел и завернул в кусок черного холста, который ему как-то подарил каптер в знак дружбы. И тут взвыл сигнал тревоги. Настоящего никто не предупреждал, что будет тревога. Он же не салабон какой-то, и про все учения знал заранее. Через мгновение, проклиная всех и вся, он уже мчался к боксам, выполнять отработанные за долгие месяцы службы свои штатные функции командира танка. Выстроившиеся у своих машин экипажи, ждали обычной процедуры – комдив должен был похвалить лучших, накостылять худшим и отдать приказ вернуть машины на места. Однако этого не произошло. Приказано было маршевой колонной следовать за головной машиной.

Боевой приказ получили одновременно Таманская дивизия, Шестая Тульская танковая армия и мобильные тактические войска ракетной обороны. Предполагалось, что силами объединенной танковой армады, переходившей в прямое подчинение министру обороны России, объект, совершивший несанкционированную посадку в районе Зарайска, будет взят в тройное кольцо. Четвертое кольцо должны были составить средства залпового огня. Ракетчики обеспечивали поддержку на дальних подступах. Строгий приказ требовал огня не открывать, на провокации не поддаваться и ждать команды. Объект поражал своими размерами. Как будто черный, матово лоснящийся бункер диаметром в десяток километров возвышался там, где ещё вчера было никому неизвестное село Посторки. Войска, развернутые в считанные часы, застыли в тревожном ожидании. «Ждут переговорщиков» – пошел слух.

Экипаж сержанта Настоящева занял свое место в первом кольце. Отсюда даже и без оптики было хорошо видно эту лоснящуюся кучу. словно кто-то насыпал среди поля гору асфальта и разгладил её, превратив в черную, гладкую тушу. Только асфальта столько много не бывает. После суточного стояния в кольце глаза у танкистов просто слипались. И хоть договорились спать по очереди, пользы от такого сна, в раскаленной на солнце машине, было мало.

С утренними лучами солнца стало чуть полегче. Помог шоколад, розданный экипажам и сваренный на тайном кипятильнике кофе. Настоящеву было уже наплевать, на то, что начальство учует запах нештатного напитка. Что-то подсказывало, что сейчас командованию не до кофе и не до строгого соблюдения устава.

Через триплекс мир вокруг казался слегка игрушечным. Словно в кино. В какой-то момент сержант уловил, что в этом мире что-то изменяется. Сначала громада объекта подернулась радужной рябью и пыхнула вокруг себя голубым пламенем. А потом, уже заморожено наблюдая, как порозовело, а потом потекло стекло триплекса, Настоящев понял – дембеля не будет.

Тройное танковое кольцо, собравшее в себе львиную долю бронетанковых сил России, оказалось бесполезным... На месте грозных машин остались бесформенные, оплывшие куски металла. Даже боезапасы не успели сдетонировать. Вторым ударом объект уничтожил все живое и неживое на расстоянии четвертого кольца. Одновременно был нанесен лучевой удар по всем стратегическим и тактическим объектам страны. Армия России была уничтожена за несколько минут. Впрочем, и с армиями других стран практически одновременно произошло то же самое.

А я просто спал. Окна моей комнаты смотрят во двор и по утрам никто, никакие городские звуки, не мешают мне спать сколько угодно. Плеснув в лицо водой, и почистив зубы, я постепенно пришел в бодрствующее состояние. Окно со стороны кухни выходит на старые районы. Там дома невысокие и видно небо далеко до горизонта. Я люблю, сидя на кухне с чашкой кофе, смотреть туда, в далекое небо. Красиво и спокойно. Мое сегодняшнее созерцание прервал рев истребителя, промчавшегося чуть ли не на бреющем полете. Я подскочил, стряхивая горячий кофе с джинсов, чтобы не промочить их насквозь. Да ведь все вчерашнее не сон! Не плод воспаленной фантазии после игры. Я пошел в другую комнату, туда, откуда видна была центральная улица. В сторону окраины тянулась бесконечная чередка автомобилей, автобусов. По тротуару, сплошным потоком, как колонна на демонстрации, шли люди. С сумками, рюкзаками, некоторые с маленькими тележками, и все в одну сторону. И ничего праздничного или тожественного в их движении не было.

Телевизор тревожным голосом передавал сообщение комитета гражданской обороны. Именно голосом. На фоне неподвижной картинке с изображением букета цветов. Комитет призывал граждан сохранять спокойствие и выполнять инструкции и указания уполномоченных лиц. Кто такие уполномоченные, не объяснили. Кроме того, сказали, что поддаваться провокационным воззваниям так называемого «Комитета спасения» об эвакуации населения из крупных городов нельзя и что комитет этот – политические спекулянты. Я ничего не понимал. Потом выступил Президент. Что-то часто он стал выступать. Он долго и нудно бормотал про навеки избранный европейский путь развития и про то, что мы – это не наш сосед. Что мы совсем даже наоборот, про истоки цивилизации и потом ляпнул, что наша страна открывает дружеские объятия для гостей планеты и что отныне мы вместе пойдем к процветанию гуманности и демократии и потом ещё какую-то ерунду.

От этого популистского бреда, подавляющего психику как взгляд удава, меня оторвал телефонный звонок. О, Сашка!

– Андрюха, ты что там? Надо валить! Поехали со мной, к моим родичам в село. Там никто никого не тронет, – Сашка тараторил с истеричными нотками в голосе. Он, конечно, паникер. Вечно перед сессией трясется.

– Слушай, я только проснулся. Я не понимаю что там? Спутники на голову падают? – я говорил почти правду. Что-то я уже понимал.

– Да ты что? Радио не слушаешь? В Штатах половина крупных городов сожжена. От Москвы только башня Останкинская осталась! – Сашка перешел на крик. – Они же и наш город разнесут! Они все войска на Земле уничтожили в два часа!

– Да кто они? – я мог бы и не спрашивать.

– Ну не придуривайся! Весь вечер вчера передавали. Инопланетяне прилетели. Ладно, не валяй дурака. Через час на автозаводе, возле метро. Жду.

Да никуда я не поеду! Вон родители вернутся из отпуска, так что я им, записку оставлю? «Уехал в эвакуацию». Дурь какая-то. Тем более, в стране нашей никаких армий нету. Только милиционеры, как тараканы, развелись, да и то последние дни ни одного не видно. И презик наш распрекрасный, вон заявил – «С распростертыми объятиями». Мало, что придурок, а понимает, с силой лучше не спорить. Я опять поймал себя на мысли, что рассуждаю категориями, которые ещё вчера показались бы просто плохим фантастическим романом. Кстати, Толик, он-то все знает наверняка, не зря его отец в Госбезопасности работает. Позвонить надо.

Толик мне спокойным, даже слегка поучительным голосом рассказал последние подробности. О том, что наше руководство, после того как российские истребители спровоцировали конфликт в Ялте, объявили о полном несогласии с действием Российских властей, о том, что от Китая осталась просто мокрое место, о том, что сейчас готовится церемония встречи гостей, и страна наша теперь чуть ли не центром земной цивилизации стала. И о том, что есть мнение, что наступают новые прекрасные времена. Я сначала не понял, что так больно царапнуло меня в его рассказе. Конфликт в Ялте. Что за конфликт в Ялте?

– А нету теперь Ялты. Один домик с башенкой возле обломков фуникулера торчит, – Толик со злорадством сообщил мне об этом. Ну конечно, ему в Ялте как-то в ухо дали, вот он успокоится и не может.

– Толик, у меня там родители... – я почувствовал, как все начинает плыть у меня перед глазами.

– Ну, не знаю. Ты должен понять, шансов мало. Сейчас надо...

Я бросил трубку.

Сотовый телефон родителей не отзывался.

В Интернете я нашел сайт. Там вывешивали списки погибших в Ялте. И ещё что-то вроде доски объявлений – кто кого ищет. Там я нашел маленькую заметку:

«Андрюша, с нами все в порядке, родители». И все – ни от кого, ни кому. Так похоже на моих. Наверное, действительно, все в порядке. Мне стало легче.

Глава четвертая

Для встречи на центральной площади города строили праздничные трибуны. Чужих называли «сентаирами». Причем никто так и не смог мне объяснить, почему. Последние два дня в мире все было относительно спокойно. Уничтожив практически все военные объекты на Земле, чужие затихли. Высадившись в разных местах, они затаились своими черными холмами по всей планете и ничего не предпринимали. А у нас почему-то решили, что для них надо организовать прием. Из всяких железных трубок и досок соорудили нечто вроде амфитеатра. Даже сценарий написали. Как будут члены правительства приветствовать сентаирских гостей. А потом пройдет концерт народных коллективов на сцене, внутри этого самого амфитеатра. Сцена красивая, с кучей поперечных труб, на которых были установлены прожектора. И лазерное шоу обещали. Правда, в магазинах так ничего из еды и не появилось. Но на базаре можно было ещё что-то купить. А мне много и не надо. От родителей вот вестей все не было. Но мне, в милиции, куда я пытался обратиться, сказали, что там сейчас работает комиссия, развернуты госпитали, и, кроме того, число жертв преувеличено, но до полного окончания расследования никто домой не вернется. Чтобы я не дергался и не беспокоился понапрасну. И что у них и без меня хватает...

Телефон Ивы не отвечал. Она могла, как многие другие, уехать из города. Сашка мне звякнул потом, уже перед самым отъездом. Обозвал беспечным ослом. А Толик совсем куда-то пропал. Ну, он всегда деловой был. Небось, пригласительный билет на встречу добывает. Точно, в правительственной ложе будет.

Однажды позвонила Алка – та самая Эмаль. Звала в бар пойти. Можно подумать... Никуда я не пошел. Сказал, что готовлюсь к приему чужих. В общем, несколько дней прошли в каком-то вязком ожидании. Интернет не работал, по телевизору показывали народные танцы с саблями и пиками, очевидно для того, чтобы продемонстрировать сентаирам наше миролюбие. На улицах было пустынно. Чиновники из всяких правительственных контор бегали бледные и невменяемые. Впрочем, невменяемые они были всегда. Однажды в подъезде я встретил самого Саламовича. У нас в доме жил министр. Без портфеля, но все-таки министр. Он поздоровался и спросил, как жизнь у юного студенчества. На мой ответ, что нормально и оптимистично, он сообщил, что в будущем мы будем опора всему, и что вот-вот на Земле настанет полное процветание. Заладили все как один – процветание, процветание... Уже много лет идем к процветанию. И все дальше от него. Наверное, так разогнались на этом пути, что проскочили в самом начале и не заметили.

А потом наступил день встречи. С утра по радио и телевизору сообщили, что от объекта, ближайшего к нашему городу вылетела целая эскадра аппаратов, и что они кружат над городом, и власти призывают все население страны приветствовать наших небесных братьев. Также объявили, что все правительство и лично Президент находятся на месте встречи, на празднично украшенных трибунах. И работают все радиостанции и центральное телевидение. Телевидение действительно работало. Показывали ту самую площадь с амфитеатром. В правительственной ложе, как обычно никого не было, высшие чиновники заранее не приходили. Зато места на трибунах были заполнены веселой толпой. Я даже постарался Толика высмотреть, но там сидели в основном какие-то мордатые бонзы от власти и бизнеса. Кто же еще мог так в жаркий день вырядиться? Я не стал пялиться в ящик, попытался убрать в квартире, вдруг родители скоро приедут.

Я почти сложил газеты, как в телевизоре раздались возгласы и заиграла громче музыка. Народ на трибунах захлопал – в центральную ложу вошли наши власти. Потом камера развернулась в сторону неба. Там летели аппараты сентаиров. Было в этом полете что-то завора-

живающе и ужасное. Аппараты с трудноуловимыми формами, казалось, прилетели из полузабытой и страшной сказки. Обтекаемые фюзеляжи и плавное движение округлых прозрачных крыльев... Они выглядели как силовые поля в фантастическом фильме. Взмахи крыльев у всех трех аппаратов были синхронны. И похожи на движения морских чудовищ в темной бездне, изгибающих крылья-плавники спокойно и зловеще. Без каких-либо маневров аппараты приземлились в центре амфитеатра. Откинулись верх боковые люки и из них на арену вышли обычные люди. Одеты почти нормально. Пиджаки с повязками на руках, высокие шапочки с козырьками. В руках обычные, старомодные винтовки. Никакие это были не чужие. Они быстро организовали редкий строй вокруг летательных аппаратов и внимательно уставились в никуда. Камера развернулась и показала нашего президента хлебом-солью в руках, вместе с премьер-министром и ещё каким-то шишками. Он шел, явно побаиваясь, по направлению к цепи вооруженных людей. Они, впрочем, на него не реагировали.

Из люка одного из аппаратов вышел ещё один человек. Было в его движениях и взгляде что-то такое, что стало сразу понятно – он главный, а те в цепи – так, охрана. Спокойные движения. Никаких повязок или кепочек. Никакого оружия. И орденская планка на твидовом пиджаке. Президент оценил обстановку, остановился возле оцепления и повернул радостно улыбающееся лицо в сторону этого человека. Тот сделал краткое движение рукой, цепь разомкнулась, как бы приглашая гаранта со свитой. Но у того был свой сценарий приема. Он остановился и начал речь, которую было хорошо слышно всем. На лацкане президента висел микрофон.

– Дорогие наши звездные братья. Я, как президент страны, от имени моего народа и нашего правитель...

– Кто, кто ты? – сентаир перебил президента. И его голос был слышен всюду и четко. Говорил он по-нашему совершенно чисто, без малейшего акцента и, мне показалось, с издевкой.

– Я, президент страны, рад..., – опять начал свой спич наш.

– Здесь нет стран и президентов. Здесь наш форпост. А неавторизованное присвоение власти карается по закону, – чужой отдал короткий приказ, который был слышен только охране. Несколько человек из оцепления, казалось, с ленцой подошли к президенту и скрутили ему руки назад. Охрана высших лиц, стоявшая неподалеку, даже не попыталась помочь – они видели, куда направлено оружие оцепления. Хлеб-соль упали на землю. Президента и премьер-министра волоком потащили к сцене, где в тупом изумлении стоял ансамбль народного танца. Потом из своих летательных аппаратов люди с повязками притащили веревку, ловко перекинули её через трубу над сценой и также ловко надели на шею президенту и премьеру петли. И столкнули их с края сцены. При гробовом молчании тысяч людей тела повешенных судорожно задергались. Но ненадолго.

Тишину прервал спокойный голос чужого.

– Я рад приветствовать местное население от имени нашей цивилизации. Мы надеемся на сотрудничество и понимание целей нашей деятельности. Нарушение законов будет наказываться. Мы не жестоки. Мы создаем порядок. Те, кто будет преданно сотрудничать с нами, будет обеспечен всем необходимым. Идите домой и трудитесь.

Сказав это, он спокойно повернулся ко всем спиной и скрылся внутри своего аппарата. За ним потянулось оцепление. Один из этих, с повязками, перед тем как войти, оглянулся как раз в камеру. Толик, мой приятель.

Уже давно исчезла картинка в телевизоре, он просто шумел и рябил серо-черным, а я все сидел и смотрел в одну и ту же точку на экране. Что же произошло? Почему никто и не шелохнулся, чтобы защитить президента от чужих? Хотя он и полный придурок, конечно, но все равно... И почему там Толик? И вообще, что за люди прилетели? Или это просто хорошо

разыгранная комедия государственного переворота? Хотя, какого, к черту, государственного? Вон уже – многих государств и нет вообще.

Глава пятая

Жизнь вокруг менялась стремительно. И самое ужасное – перемены не вызывали ни у кого ответной реакции, как будто происходящее вокруг было обыденным и естественным. Навсегда замолчали телевизоры. Пошумев слегка, исчезли радиопередачи. Интернета не было и подавно. Телефон сначала еще работал как-то, но и потом тоже только гудел в ответ своё длинное «ля». Не было никакой видимой смены власти. Выяснилось, что та охрана с коричневыми повязками на рукавах и в кепочках – это никакие не чужие, а наши, согласившиеся работать с пришельцами. Сентаиры предложили им сотрудничать, и никто не отказался. А что оставалось делать? Это мне Толик рассказал. Он приходил ко мне в гости. Не было никаких сил ни спорить с ним, ни объяснять ничего. Да и вправду, какой у него был выход? Приехали, говорит, за ним ночью и поставили перед фактом – ты выбран для сотрудничества. А вообще, говорил Толик, они нормальные люди. Только порядок любят. Я вяло делал вид, что слушаю его, а сам вспоминал старое забытое слово – «полицай». А ведь так все и было. Если верить учебникам и старым фильмам. Но ко мне вот никто не приходил. И ничего не предлагал...

Потом на домах повесили объявления о том, что моторными транспортными средствами разрешается пользоваться только при наличии письменного разрешения от властей. Соседский Вовка рассказывал, что он видел, как полицаи на центральной площади какой-то фиговиной просто сжигали всех, кто появлялся на машинах. Вместе с машинами.

Я, вообще-то, ожидал, что объявят комендантский час. Ну, как пишут в книжках. Но никто ничего не объявлял. Да и пришельцев этих крайне редко видели. Иногда по улицам проплывал, именно проплывал, не касаясь земли, экипаж сентов. Эти экипажи стали называть транспОртерами. Именно так, с ударением на «о». О пришельцах напоминали только полицаи на улицах. Полицаев не любили. Мне казалось, что это я придумал такую кличку, но так их называли все. Естественно, за глаза. О том, что кто-то хоть как-то сопротивляется этой новой системе, я не слышал.

Однажды вечером ко мне пришёл в гости Саша Сотников. Великий маг Донгур. Как давно это было. Как хорошо было тогда. Сашка пришел с бутылкой портвейна. «Из старых запасов» – сказал он. И ещё он рассказал, что не может найти никого из друзей. Ну, в общем, как и я. Оказывается, как просто было разрушить наш мир. Уничтожить весь транспорт, средства связи и вот – готово. Сотников рассказал, что пешком тоже никуда нельзя добраться. Для перемещения между населенными пунктами нужен специальный пропуск. Между городами стоят блокпосты с полицаями и всех, кто без пропуска, уничтожают. Что-то эти новые власти никаких других способов общения, кроме смертной казни, не находят.

– Саш, а вот я ещё ни разу не слышал, чтобы эти, ну черт, имечко у них – сентаиры, ну в общем сенты, сами кого-то прихлопнули, – я давно думал об этом, просто не с кем было обсудить. – Почему так наши стараются?

– Ну, кто их знает. Наверное, у них выбора нету? – Может, он и правильно говорил, может и есть ситуации, когда от тебя ничего не зависит. Только все равно не люблю я, когда говорят – «выбора нет». Я так думаю, что выбор есть всегда.

Портвейн шел на редкость хорошо. Если честно признаться, никогда не проводил вечер так – с приятелем, за долгим разговором. Обычно большие компании, суета, смех и анекдоты. А тут... Хороший получился вечер.

– Слушай, – я почему-то боялся задать этот вопрос, – ты как думаешь, это навсегда? Неужели никто не станет с этим сентами бороться?

– Да как с ними бороться? – Сашку, видимо, тоже этот вопрос мучил. – Поезда под откос пускать? Так нет поездов. А леталки как ты свалишь? Да и ты этого сента хоть раз в лицо видел? Всё наши, родимые.

– Слушай, а может, эти сенты не такие уж и страшные? Может, это просто перегибы на местах? – Я схватился за очевидную мысль. – Ну, дали власть этим, полиция. А они и рады стараться.

Тут Саша сказал нечто такое, что я никак не ожидал от него услышать.

– Вспомни прошлую войну. Вся вина на фашистах. Они звери были. Но самые страшные зверства были сделаны не их руками. Всегда найдется тот, кто будет зверствовать больше зверя-хозяина. Он будет зверствовать ради собственных животных желаний с руками, развязанными его зверским хозяином. И потом скажет – я выполнял приказ, и у меня не было выбора. Или там – я специально с этими связался, чтобы свою страну защищать от тех. Оправданий можно много придумать.

Что-то часто я слышу о выборе в последнее время. Но мне-то как раз и не из чего выбирать.

А утром было опять тревожно. Я не хотел сидеть дома, вот так, как какая-то мышь под венником. Сходить, что ли в университет? Понятно, что вряд ли кто-то там появляется на занятиях, но может встречу приятелей.

Ничего интересного в университете я не узнал. И никого из знакомых не встретил. Возле запертых входных дверей скучал полицейский. Ему, видать, наосточертело ходить туда-сюда и он устроился рядом на лавочке. Интересно, эти сентайры от всех требуют порядка и строгости, а вон гляди – полицейский, как все полицейские – из наших, а ему позволено не по уставу сидеть. Или может, у них устав такой? Вообще, я не очень в этих уставах разбирался, несмотря на два года военки в универе. Чушь собачья.

– Извините, – вежливо спросил я, – вы случайно не знаете, кто-нибудь из администрации будет сегодня?

– Нет, все закрыто на реструктуризацию, – вяло ответил полицейский. – Иди домой.

Домой так домой.

Я шел, ловя себя на мысли, что бреду также вяло, как и все остальные прохожие на улице. Казалось, после того, как запретили транспортные средства, на улицах не стало больше пешеходов. Даже меньше. Все куда-то одинаково угрюмо бредут. Тащат какие-то тележки с барахлом и едой. Вон сосед говорил, что, несмотря на переходный период, практически исчезла преступность. Да, знаем, как она исчезла. В прямом смысле слова. Говорят, что за переход улицы в неполюженном месте – казнили. Порядок есть порядок. И разговор у этих короткий и однозначный. Хорошо, я живу недалеко от университета. Дошел домой за полчаса. Есть охота, а у меня осталось немножко гречки, и масло есть подсолнечное. Почему мне гречка раньше не нравилась? А дома ждал сюрприз. У подъезда стояли два полицейских с автоматами наперевес. Я заметил, что им уже автоматы стали доверять. Напротив полицейских на тротуаре перед парадным стояла кучка жильцов. Министр-сосед размахивал руками и что-то объяснял остальным. Я не стал его слушать, а подергал за рукав Вовку – приятеля с пятого этажа. Он стоял рядом со своим старшим братом Алексом и хмурился.

– Вов, тут что случилось? Почему не пускают?

– Вот, приехал патруль полицейский и всех выгнал. Говорят, дом отдается под нужды властей. А Саламович вон говорит, что это какая-то ошибка и требует, чтобы представители командования приехали.

– А те что? – я все-таки надеялся, что ничего плохого не произойдет.

– Сказали подождать пять минут. Вот уже полчаса ждем.

И вправду, скоро приехал транспортер сентайров. Остановившись у тротуара, он прожег свой купол. Внутри было пару полицейских и начальник. Из этих, не наших. Я подумал, что впервые вижу сента так близко. Да и вообще, впервые. Телевизор не в счет. Полицейский двери прижал рукой наушник радиации, чтобы не мешал галдеж Саламовича. Потом громко сказал:

– Так, всем пройти во двор. С вами будет беседовать начальство.

Соседи устремились во двор. Двор у нас удобный, закрыт со всех сторон и тихий.

Вслед за нами в арку тихо вплыл транспортер. Он так и оставался с просветленным куполом. Говорили, что в этом случае те, кто внутри, не защищены силовым полем. Видать, они ничего уже не боятся. Из кабины транспортера вышел сент. Впрочем, полицейские стали у него за спиной, и ему уж точно нечего было бояться.

– Я понимаю важность ваших беспокойств, и поэтому решил лично приехать по вашей просьбе. Начинается новый этап мелиорации вашего местобитания. В этом строении, где вы жили, теперь будет располагаться госпиталь для людей. Мои соратники будут проходить здесь лечение и реабилитацию. Вы, как элементы без определенного места жительства, будете обеспечены властями всем необходимым.

Тут Саламович не выдержал и перебил чужого:

– Извините, я не нуждаюсь ни в чем, мне как депутату здесь представлено жилье. Зачем меня обеспечивать?

– Вы депутат чего? – спокойно спросил сент.

– Я депутат народного парламента, – сообщил министр гордо.

– А, тогда, пожалуйста, отойдите в сторонку. Естественно, этот вопрос мы обсудим с вами подробно. Остальные детали присутствующим сообщит наш человек.

Полицай, который вылез вместе с этим из транспортера, вышел чуть вперед, откашлялся и начал читать по бумажке:

«В соответствии с восстановленным порядком, граждане без определенного места жительства должны пройти социализацию. Граждане до двадцати пяти лет направляются в лагеря трудовой коррекции».

Тут его перебил Алекс, Вовкин брат:

– А если я не хочу ни в какой лагерь? Я может, в деревню поеду жить.

– Не хотите, не надо, вас никто не заставляет. Вон, станьте рядом с министром вашим, – махнул рукой в направлении Саламовича полицай.

Алекс пожал плечами и спокойно перешел ближе к министру.

– Далее, – вернулся к бумажке глашатай, – лица старше двадцати пяти лет отправляются в лагеря санации. Там вы тоже пройдете социализацию, но в соответствии с вашим возрастом. Всем находиться здесь. В течение часа вы будете отправлены по местам дислокации.

Полицай кивнул начальнику – сенту, что, мол, все готово. Сент уже собрался исчезнуть внутри транспортера, но потом на мгновение задержался.

– Вы все должны в конце концов понять, что порядок есть порядок. И если мы вам предлагаем что-то, то сомневаться не стоит. Пусть для вас это будет уроком. Что-то вы их плохо учите, – и кивнул так, безразлично, полицая.

Полицай передернул затвор автомата и короткой очередью прошелся в сторону Алекса и министра. Только Вовка заорал как сумасшедший:

– Нет! – и кинулся к брату.

А полицай и этот их, начальник, спокойно уселись в машину и уплыли со двора. Правда, чуть притормозили, и высунувшийся полицай приказал:

– До приезда транспорта чтобы тут все чисто было! А то знаю вас, свиней. За собой не убираете никогда.

Все смотрели, как тихо плакал Вовка. А сосед из шестнадцатой квартиры пошел к дворику за лопатой.

Через час-два прикатил простой крытый грузовик, и приказали «всем, которые до двадцати пяти – грузиться!». Нас было всего двое. Я и Вовка. Дочки министра давно умотали куда-то в село. Или ещё куда.

В глубине кузова сидел сонный полицай. Ему даже и оружия не дали.

– Скажите, а что такое лагеря санации? – я не понимал, почему все старше нас, должны ехать в другое место.

– Ха! – полицейский мерзко осклабился. – Санация – это санация. В камеру и газ. Как тараканов.

Глава шестая

Мы едем уже примерно три часа. Сначала в грузовике был только я и Вовка. Он как сел на скамейку, отвернулся носом к тенту, так и не оборачивался все время. По пути мы пару раз останавливались. К нам подсаживали пацанов, таких же, как мы. И полицаев, уже вооруженных. Вот теперь нас полный кузов. А куда везут, непонятно. Среди тех, кого подсадили позже, я не знал никого. Странно, а девушек они отдельно везут? Наверное, эти лагеря не так, как пионерские, устроены... Хотя, почему бы и нет? Вот, мы на картошку после первого курса ездили... И работали, и жили лагерем вместе, все было в порядке. Почему бы и социализацию так не устроить? Правда, после того, что произошло, после слов полица о лагерях для старшего поколения, мои размышления могли показаться горячечным бредом. Или беспомощной попыткой надеяться на лучшее.

Один из тех ребят, кого подсадили позже, был какой-то слишком шустрый. Начал сразу командовать, говорить, что он бывалый, и стал сгонять меня с места, чтобы сесть поближе к борту. Он вроде с друзьями сел своими. Не хватало устраивать разборки прямо в кузове, тем более, всем было до лампочки, а надеяться на помощь Вовки я не мог. Ему не до меня было. Ну, пусть сидит этот, как его называли – Витек, под самым бортом. А он не просто так хотел устроиться. Вытащил нож и незаметно для полица проковырял дырочку в тенте. Чтобы смотреть, где едем. Этот Витек сразу глазом прикинул к дырке и давай комментировать. Глупость нести всякую типа: «А вон телка какая по улице топает, сюда бы её, мы бы тут». Громко так и глупо. Ну, полицаи и услышал. Ничего не стал делать, а в рацию свою что-то сказал. Водителю, видно. Машина остановилась, оказалось, что мы уже за городом и никаких телок, разве что коровьих, быть не могло. Полицаи выгнали всех из машины и приказали построиться. Прямо, как в армии. В шеренгу по двое. Мы потолкались, так, бестолково, но построились. И тот, который в кабине сидел, приказал этому Витьку выйти из строя. Он вышел и стал сразу говорить, что он ничего такого не делал, что дырку проковырял другой, который до него сидел там. Даже на меня кивнул. Но на его слова охранники не обратили никакого внимания. Полицай злобно объявил, что главная задача новых властей, научить нас, быдло, порядку и уважению к закону и порядку. И что на первый раз нас прощают, но мы должны знать, что соблюдать порядок должны все и все должны следить за порядком. И потом застрелил Витьку. Просто подошел, приставил к его виску дуло пистолета и выстрелил. Спокойно так. Ну, они все спокойные. Выстрелил и сразу отскочил в сторону. Из раны струя крови, как из крана, в его сторону хлынула. Он даже не посмотрел, как тот упал. И опять обратился к нам, что если ещё будет нарушение дисциплины и порча имущества, то будут наказаны все, кто находился рядом. И приказал закопать нарушителя. Хотя, он уже не был нарушителем. Он трупом был. А копать было нечем, пришлось какие-то палки подобрать, и ковырять ими. Хорошо, земля была мягкая, почти песок. А охранники наши в это время устроились возле открытой кабины грузовика и жрали что-то. Наверное, вкусное, но я ничего кроме легкой тошноты не чувствовал. А ведь с нами никого из сентов не было. Зачем полицаи так зверствуют? Они ведь вроде наши, наверняка еще несколько недель назад в метро ездили как все. Или на заводе каком-нибудь работали.

Мы сделали все вроде нормально. Ну, как это говорится... похоронили. И холмик такой, песчаный сверху. Но его приказали разровнять. Не знаю почему, может, чтобы не вызывать у проезжающих отрицательных эмоций. Пока мы возились, я подумал, а вот у меня сейчас в руках палка здоровенная, я могу ей запросто уложить ближайшего охранника, автомат его подхватить, остальные не успеют свои бутерброды проглотить, а я уже очередь по ним пушу. Я же помню, как таким автоматом пользоваться, на военке учили. И убежать от них в лес. Не может же быть так, чтобы никто, ну совсем никто на всей Земле не сопротивляется? Вон, в доме нашем госпиталь для сентов сделали. Значит, есть раненые, значит, что-то где-то происходит. Я

даже застыл на мгновение, сжимая свой кол в руке. Но поймал Вовкин взгляд. Тот видно понял, что я думаю. И тихо так, без слов, одними губами прошептал – «Убьют». Он прав, живому – оно как-то легче. Пока, по крайней мере. А потом я еще понял. У охранника, который рядом стоял, не было рожка в автомате. Вот бы я и пострелял. Да и не убежишь далеко. Ну и побежал бы я? А остальных бы постреляли как цыплят. Или нет, как-то по-другому... Цыплят режут.

Потом мы опять, по одному с левого и правого борта, как нам приказали, вскарабкались в кузов и долго-долго тряслись в этом проклятом грузовике. Уже под вечер нам приказали выходить – машина остановилась на какой-то железнодорожной платформе. Там стоял небольшой состав. Локомотив и несколько вагонов. Я попытался посчитать, сколько их, но было лень. То ли пять, то ли шесть. Вагоны обычные, плацкартные. Нам приказали туда садиться. И заперли снаружи, сообщив, что если кто высунется в открытое окно, стрелять будут без предупреждения. Объяснили, что в первом вагоне – охрана и она будет беспощадна.

Мы устроились в вагоне на удивление удобно. Я сначала даже на нижней полке улегся, но потом понял – это не самая лучшая идея. Во-первых, каждый, кто проходил по вагону, а почему-то все постоянно шастали туда-сюда, задевал меня за ноги. Рост у меня не средний. Ну и совершенно ничего не видно в окошко. А мне очень хотелось почему-то смотреть в окно. Не знаю, но такое ощущение было, что... Ну, в общем казалось, что это очень важно – лежать и смотреть в окошко. А тот парень, который лежал на третьей полке, Игорь, он сразу представился, как только я его окликнул, согласился со мной поменяться. На третьей, багажной полке было не очень приятно, потолок прямо над носом. Но зато там никто не мешал, все хорошо видно в окно и даже появилось чувство, что я в таком, маленьком замкнутом мире. Рассмотреть, где мы едем, я не успел. Просто заснул.

Проснулся я, наверное, очень скоро. В вагоне свет никто не тушил, и этот тусклый свет тревожил, как в больнице. Я помню это ощущение. Мне гланды вырезали в десять лет. И вот в больнице, где я лежал, в коридоре все время свет горел. У дверей в палату верх был стеклянным и ночью этот свет мешал спать. Вот и сейчас в вагоне было тревожно, и мне казалось, что именно из-за этого слабого света. Почти все уже спали, никто не ходил по коридору, а свет горел. И от этого было неуютно. Поезд негромко постукивал на рельсах, не мешая слушать, как в соседнем отсеке кто-то рассказывал истории.

... – Ну, она мне и говорит, Цуца, я тебя люблю, – рассказчик при этом хохотнул. – Ну, а ей конечно, ну так трусики снимай, раз любишь.

Рассказ этого Цуцы явно вызывал у слушателей нездоровый восторг.

– Ну а я потом сам пожалел, – продолжал тот же голос, – она-ш девочка, а оно-ш по живому, получается, знаешь как не просто.

Цуце вторили сочувственные восклицания пацанов. Ну конечно, сопляки про баб рассуждают. Ах, какие мы крутые, да какие мы опытные... А меня этот треп начал раздражать. Не интересно мне его слушать. А заткнуть – не хочется. Вон набилась куча народа – тихонько похохатывают, слушают. Неужели им всем только это интересно? Мир за несколько дней перевернулся и на тебе – их только враки про баб интересуют. Я отвернулся, но в окне совсем темно было. Как будто электричество существовало только в нашем вагоне. Блики на стекле не давали рассмотреть, что там снаружи, и я приник к стеклу лицом и ладонями закрылся. Все равно темно. Но зато не так слышно болтовню в соседнем купе. Слышно только, что в моем отсеке внизу тоже беседуют двое. Я вниз посмотрел – там Игорь с незнакомым, таким коренастым и мускулистым парнем разговаривал. Вернее, Игорь только слушал. Я тоже стал прислушиваться. Тот, мускулистый, рассказывал о ком-то – то ли о своем знакомом, то ли о родственнике, было не понятно, потому что я не слушал начала.

– Не, ты знаешь, он классно устроился. Главное, он типа и не ждал, а к нему приезжают вечером, так культурно, с понятиями, и говорят, это он мне потом рассказал, что мол, новым властям нужна ваша помощь. А Боб не дурак, и сразу спрашивает, сколько платить будете.

Они ему – тысячу! И еще добавили – а вам не интересно, что за работа? Ну, он и говорит – мол, если в два раза больше положите – так и спрашивать не буду. Ну, они – такие нам нужны – честные, амбициозные и целеустремленные. Вот мужику повезло. У него и паек теперь, и пропуск куда угодно и форма! И право на оружие. Он не падала какая-то, он сам с понятиями, меня заранее предупредил, что в лагеря забирать будут. Я и не мандражировал и жратвы успел собрать. Так вот, Боб сказал, что в лагерях, если правильно себя вести, так вообще шара будет полная. Если старшим по десятке назначат, так и пайка двойная и если все пучком у тебя в десятке, так полгода всего там отработать и потом дают документы. Мне Боб обещал помочь. Эх, меня бы призвали сразу, не тряся я бы с вами тут. А я козел... дома не был.

Вот как все просто. И никаких сомнений у человека, и все знает. Мне этого жлоба внизу слушать было противней, чем того вралю с бабами. Но не только я такотреагировал на его треп. Вовка, оказывается, тоже не спал. Он тихо сполз со своей второй полки взял этого бобова друга за грудки.

– Ты что, сука, в полицаи хочешь? Тебе этой мрази зад лизать захотелось? Может ещё и в команду расстрельную хочешь?

Вовка просто бешенный был, это даже в чахлом вагонном свете было видно.

– А тебе что, тебе что? – тот парень видимо очень испугался.

– А мне ничего! Я ненавижу предателей, и тебе, сволочь, морду сейчас расквашу, чтобы и не мечтал.

Я сверху просто свалился на Вовку и схватил за руку. Ещё чего не хватало. В вагоне нет охраны, но что потом будет? Рассказчик воспользовался Вовкиным замешательством и чесанул куда-то по вагону.

– Вова, не надо. Не надо с каждой мразью связываться. Ведь сейчас у людей какая каша в голове. Подожди, – это я уже сосем шепотом, – они еще получат. Не может все так паршиво кончиться.

Вовка сначала пытался от обиды и мне в ухо захватить, но потом сразу обмяк, сел на лавку и заплакал. Просто так. У него же Алекс был последней опорой в жизни. Родители у него погибли давно в автокатастрофе. Они ехали по городу в машине, а грузовик налетел на них. Потом выяснилось, что водила грузовика пьяный был.

Я оставил Вовку, и пошел искать этого, сбежавшего. Он курил в тамбуре.

– Слушай, ты не бери дурного в голову, – я хотел сгладить ситуацию. Не то что примирить их, а просто прекратить стычку. Мне было противно, но в таком случае лучше договориться, чем утром увидеть, как и Вовка пулю получит в висок. – У него брата застрелили вчера днем. За нарушения сказали, вот он и злится.

– А пусть себя держит в руках! – злобно проговорил парень. – Да ладно. Проехали.

– Тебя как зовут? Меня Андрей, – мне надо было как-то закончить разговор.

– Юзик. Качан Иосиф, – слегка церемонно представился тот. И руку пожал. У него рукопожатие такое было, как будто он всю жизнь в руке сжимал трубу. Словно он не может разогнуть пальцы, и моя ладонь почти не легла в его. Не пролезла. Ладонь у него была, словно головка газового ключа – почти крюк.

– Ну ладно, Юзик, ты зла не держи, все срываются. Потом ещё поболтаем.

– Ну ладно, вмазать хочешь? – Юзик вытащил из внутреннего кармана куртки чекушку мутной жидкости, заткнутую место пробки скрученным куском газеты.

Пришлось глотнуть с ним для виду. Самогон. Б э э э...

В общем, заснул я только тогда, когда за окном засерел рассвет и стало понятно, что мы едем вдоль посадки и все время на север.

Глава седьмая

Разбудили меня крики и топот. Оказалось, поезд остановился на каком-то вокзале, и нам всем приказали выходить и строиться. Выскочив в толпе таких же, как я, сонных ребят, я вдруг понял – мы же на Киевском вокзале в Москве! Вот куда нас завезли! Если использовать термины нашего покойного президента – завезли в совершенно чужую страну. Да какая она мне чужая?

Построиться быстро никак не получалось. Все пытались занять какие-то особенные места рядом с уже появившимися новыми друзьями. А я – не знаю как, оказался рядом с Вовкой. Чуть правее, через пару человек от меня, стоял тот самый Юзик, Вовка делал вид, что не замечает его. Строил нас незнакомый, видимо здешний, полицейский. Потом, как выстроились, он командовал «налево» и мы потопали на выход с вокзала. Я отметил про себя, что знаменитый дебаркадер не разбит и не разрушен. А кто-то говорил, что от Москвы мокрое место осталось. На привокзальной площади уже стояли громадные колонны таких же, как мы пацанов. Наш полицейский долго и бестолково орал, но в итоге собрал из нас колонну, по виду, как и все остальные, и отвел в общий строй. Потом полицейские собрались в кучу под вокзальным порталом и получили какие-то указания, судя по всему, от начальника поглавнее. Юзик сообщил, что нас сейчас поведут на Белорусский, мол, оттуда ещё надо поездом или электричкой. Вот, сволочь, всезнающий. Откуда он смог узнать? Хотя, если друг или брат полицейский... Хотя такие все всегда знают заранее, что касается получше устроиться, или там лишний кусок урвать. И действительно, мы и ещё две других колонны «Должны достигнуть места дислокации на Белорусском вокзале и соблюдать порядок в пути» – объяснил пришедший с бумажкой в руке полицейский.

Нас вели по широким утренним улицам столицы. Даже теперь, спустя столько лет после дезинтеграции страны, Москва оставалась столицей. Великим городом великой страны. И как-то не вязались улицы и здания, так знакомые по фильмам, по книжкам, с тем, что мы увидели. Пустые улицы. И посреди проезжей части, прямо по белой полосе, шагает наша колонна. Нас много, и всего три полицейских с автоматами охраняют. Один впереди, другой сзади, третий посередине. А сил ни у меня, ни у кого другого, рвануть в сторону, заорать: «Бей гадов!» или ещё что героическое – нету. Непонятно почему. Впереди показалось странное здание. Я никак не мог вспомнить, откуда я его знаю. А потом понял. Это знаменитая гостиница «Украина». Сенты прошли по ней лучом наискосок. Да так ловко, что верхняя часть со шпилем, почти не развалившись, съехала набок, как на санках. Только одна из башенок, украшавших её, рассыпалась. И гостиница сейчас была похожа на сюрреалистический бред архитектора-модерниста.

Как мы ехали потом, не помню. Болтуны вагонные поутихли, видимо уже жалели, что ночь не спали. Мне даже показалось, что бессонная ночь, каким-то образом отняла форс у всех, кто так хорохорился в начале пути. А у меня форсу как не было, так и нет. Завалился на скамейку в электричке и просто сидел без мыслей. Было холодно, я все пытался запахнуть свою рубашку. Я ещё подумал, что здесь климат похуже, чем у нас. Но даже холод не помешал заснуть.

От электрички шли пешком. Опять в колонну и приказали – «шагать по шоссе». А сбоку шел один полицейский с автоматом и ещё один чуть позади. А нас было, наверное, человек сто. Но никто опять не попытался ничего сделать. Да и что делать? Куда бежать? А может и вправду – полгода тут отмотать, научат всяким не нашим повадкам и отпустят? Документы дадут правильные. Стоит ли рисковать? Вот только, как родители узнают, где я, когда вернусь домой? А где-то совсем в глубине билась не очень смелая и не очень четкая мысль. Что нельзя подчиняться. И, что вот так и идут в рабство. Из свободного человека очень трудно сделать раба сразу. А потихоньку, по капельке, то, наверное, можно.

Пришли в итоге к гадким железным воротам с красной звездой на них. Когда ворота распахнулись, наша безмолвная колонна безропотно потопала внутрь. И ворота за нами закрылись также мерзко, как они и выглядели. Я понял, тут раньше какая-то военная часть была. Нас загнали сразу в зал, вроде клуба. Ну да, конечно военная часть – на спинках деревянных кресел всякая ерунда выцарапана типа «Тамбов-Об» или ДМБ77. Надписи, знакомые по фильмам и рассказам тех, кто служил. Пришел ещё один полицаи. Он видимо, тут был главный. Важный такой, и громадная золотая фикса на переднем зубе. Я услышал сзади шепот: «Смотрите, какое зубо». Потом этого полицаи иначе как «Зубо» никто не звал. Он, Зубо, сказал речь. Что мы вроде как отбросы общества, но новый порядок сделает из нас настоящих людей. И что дисциплина – это пусть к свободе. Потом начали что-то вроде разделения по группам. Спросили – студенты есть? Нашлось девять человек. Ну, я, Вовка и ещё несколько – я их не знал. Нас сразу отправили в фойе. Там другой полицаи сказал, что народ шибко грамотных не любит и к нам будет особое внимание. А потом тот, что в зале, привел Юзика! И сказал, что Юзик у нас будет старшим. Старший. Он же только после школы, видно. А дурак не по годам.

Потом нас отправили в баню, там выдали солдатские одежды. Хорошо, что новые. Но сапог не дали. Дали кеды, какие-то дурацкие. А после бани объявили, что сейчас будет обед. При этом сообщили, что обед будет праздничный. Наконец-то!

Радоваться, конечно, было нечему. Там такое в алюминиевые миски навалили, что я не смог есть. Хлеб съел и потом компоту попил. Ну, наверное, это называлось компотом. Розовая кисловатая жидкость. Кстати, Юзик в столовую уже вел нас, как командир военный. Построил нас в маленькую колонну, бестолково, надо сказать, строил. В основном орал глупости всякие вроде «Идиоты ученые», «Шо, сволочи, зажрались, шевелись!». А в столовой, когда расселись, приказал всем есть за три минуты. А ему подали отдельную порцию. Не то овощное хлебово, что нам, а нормальное картофельное пюре и отбивную. Как в ресторане. Правда, в ресторане принято нож в правой руке держать, а вилку в левой. И не нанизывать всю отбивную на вилку и не чавкать демонстративно.

Ну, в общем, ничего страшного пока в этом лагере не было. Наверно, так в армии служба идет. Правда, жрать хотелось после этого «приема пищи» сильно.

После обеда объявили общий сбор. Привели всех на асфальтовую площадку и опять полицаи, не Зубо, другой, читал нотацию о дисциплине и о всякой другой ерунде. И раздал наряды на работу. Ну, это он так сказал, – «сейчас состоится раздача нарядов на работу». Он вызвал к нему старших и что-то им вдальблывал, размахивая руками и заглядывая в мятую бумажку, которую вытащил из кармана. Мы оказались, как я понял, первой группой (они десятки группами называли), Юзик раньше всех вернулся в строй. Нас оправили делать профилактику периметра. Так назвал это полицаи, а вслед за ним и Юзик. На самом деле – забор вокруг лагеря отремонтировать. Ничего сложного. Шли вдоль забора, как попадалась доска, прогнившая или сломанная, гвоздями прикрепляли (нам и молотки и гвозди доверили) и просто про жизнь разговаривали.

Да точно – ничего в этом лагере нет страшного! Вернее, мне было так безразлично после всего, что произошло в последние дни, да ещё спать хотелось так, что все вокруг воспринималось как в тумане. Забор, так забор.

Кампания вроде ничего, все ребята нормальные, Юзик этот, правда, держался поодаль. Он молотком не стучал. Он следил, чтобы все было хорошо сделано, и время от времени давал указания – там горбыль отошел, и что молоток держать козлы городские не умеют и так далее. Но так, не особенно злобно. Он казалось, слегка стеснялся. Вовка, тот, как обычно, старался держаться от него подалее.

Часа через два уже поперео рассказывали все анекдоты, обсудили все возможные темы. Как у этих сентов движители на транспортерах могут работать и хорошо, что дождя нет. И тут Юзик тоже в беседу включился.

– Я вот что думаю. Ведь не может же быть, чтобы новые власти, хоть они, конечно, и сильные и, там, прилетели так, что не поймешь, на чем... Но вот неужели никто против них не выступает? – Юзик при разговоре этом смотрел в сторону, куда-то за забор, в лес. – Неужели так вот никто не попрет против?

– Ну почему, – я вспомнил про госпиталь в нашем доме, – вот...

Ой, как больно! Вовка, дурень, молоток прямо на ногу мне уронил. Он сразу заизвинялся, и даже руку мне подал. Я прямо на траву сел, так больно. А когда Вовка помогал мне подняться, резко так за руку дернул, прямо чуть лбами не стукнулись, и тихо шепнул: «Молчи, он же заложит». Я подумал, что я полный осел и, попрыгав, шипя от боли на одной ноге, продолжил:

– Ну почему, вот если власть справедлива, кто же будет сопротивляться? – а потом добавил: – а ты что, властью новой не доволен?

Юзик покраснел и громко сказал:

– Не останавливайтесь, ерунда осталась! До ужина должны успеть! Давай, быстрее, нечего тут трепаться. – Но глянул на меня ядовито.

На ужин опять дали какую-то гадость. Но после неудачного обеда я понял, что лучше съесть гадость, чем ничего. Юзик важно пил чай с лимоном и жевал бутерброды с сыром. Это они зачем такое делают, чтобы противнее было?

А после ужина приказали спать. Я думал, будут переключки, или что там ещё? Никого не волновало кто на месте, а кого нет. Спать пришлось на голых матрацах и голых подушках. Они были не новые и со странными пятнами, раньше бы я даже и трогать их не стал. Но сейчас я просто упал и провалился во тьму.

У кого же такой гнусный голос? Уж точно ему бы всю жизнь только и кричать «Подъем!» Часы шесть утра показывали. И суета сразу, строиться. И опять стоим в строю и слушаем «зу-зу-зу» полицейское. Про дисциплину и, что из нас сделают членов нового процветающего общества. Что-то мне казалось, что в таком обществе только жлобы вроде Юзика процветать будут. Хоть зарядки не было. А в армии, говорят, бывает – заставляют подтягиваться, бегать и ещё всякое. После этого построения послали, как сказал Юзик – «Оправиться. Пять минут». Откуда он этого набрался? Здоровый нужник на два десятка очков и сток для мочи. И запах, и сухой кашель, и серые лица вокруг. Почему все так за ночь изменились? Такое впечатление, что пацаны поскучнели, потеряли интерес к жизни. Может, просто не выспались...

На завтрак дали брюкву. Я знал, что это брюква, но не думал, что можно просто так подать человеку кочан сырой брюквы на завтрак. А Юзику яичница, масло и чай с сахаром. Я отвернулся от него, потому что мне становилось все отвратительнее смотреть на эту лоснящуюся от самодовольства рожу. Я откусил кусочек брюквы. Она была сладковатая, с горчинкой, но больше одного куса я не мог съесть, несмотря на голод. Я сидел и, глядя на этот проклятый корнеплод, думал о том, что, наверное, я и есть скотина, раз позволяю, чтобы надо мной так издевались! Но тут раздался шум, крики – что-то происходило за соседним столом (я забыл сказать, тут столы были как раз на десять человек – группа и старший). Так вот, к пятой десятке вдруг ломанулись полицейские и скрутили одного из сидящих. Я понял, что он старший, они все на особых местах сидели. Сразу отдали команду – «Прекратить прием пищи, строиться снаружи». Ну, я особенно пищу не принимал, но было неприятно. Все опять зашуршали кедами по кафельному полу, выбегая из столовой. И быстро построились снаружи. Перед строем стоял старший пятой десятки, провинившийся, он затравлено озирался. Его охраняли два полицейские. Один из них держал старшего за рукав. Другой полицейский, строго оглядев нас, начал речь. Как они задолбали меня своими речами!

– Все вы отбросы граждан и подонки! Я повторял и повторяю. Из вас тут делают хоть каких-то членов общества. И главное – порядок и дисциплина! Все должны выполнять правила. А нарушители – будут наказаны! – Знаем мы, как они наказывают. – Вот перед вами

нарушитель! Старшему по десятке положено усиленное питание! А не положено его отдавать своим подчиненным! И нарушитель будет наказан.

Пока он говорил, подогнали обычный автокран со стрелой. А на стреле уже петля приготовлена. Тот старший, он видно неплохой был парень. И совсем не было противно, что он, как все понял, так сразу обмочился. Потом полицай сообщил, что в группу назначается новый старший из проявивших себя. Он пальцем ткнул в кого-то из строя и приказал выйти. А потом что-то объяснил ему. Тот покраснел, открыл, было, рот. Но вовремя закрыл. И отрешенно пошел к крану. Из кабины выскочил полицай и показал ему жестом – вон давай, бери рычаги. Тот взял и, выполняя указания полицаи, стал опускать крюк с петлей. А когда её накинута на шею провинившемуся, опять дернул рычаг. Стрела медленно поднялась. Крюк со страшным грузом застыл в метрах двух над землей. Ну... потом еще его заставили за ноги повешенного тянуть. А то он слишком долго дергался.

А потом полицаи приказали вернуться на места и окончить прием пищи. Юзик так лопал свою пайку, что казалось, от этого зависит его жизнь.

В груди у меня страшно бухало сердце, словно в ожидании драки. Ведь надо было не смотреть на казнь, нужно было просто заорать во все горло, кинуться на тех полицаев, я ведь чуть не кинулся. Но, в последнее мгновение понял, что никто за мной не пойдет вперед. Но ведь так нельзя! Так нельзя дальше. Только, что я могу сделать один?

А потом опять работа. Нас послали рубить веники из особых болотных кустов. Юзику дали старую топографическую карту, на которой карандашом было отмечено, где эти кусты. И объяснили, что есть определенная норма по сбору веников. И невыполнение её – это нарушение дисциплины. И времени – до обеда. И моток веревки дали – веники вязать.

Юзик уставился на карту так внимательно, что было понятно, он мало в ней понимает. Пришлось вежливо попросить посмотреть и рассказать ему, куда идти. А пилить надо было километра два по лесу. А комары почему-то так озверели. Я никогда не думал, что они бывают такими свирепыми. Комары, утром и такое зверство.

Рубить ветки, связывать их в веники было не сложно. Оказалось, что мы выполнили норму очень быстро. Но когда выполнили – ужаснулись, как это все оттащить в лагерь? Там же чуть ли не тонна весу. Соорудили некое подобие носилок – палки на плечи положили, на них связанные веники накатали и чесанули бегом по лесу. За два раза ведь не унесем. Мы все-таки успели. Правда, очень болели разбитые, изодранные носилками плечи, и ноги дрожали в коленях. Полицай, который эти веники принимал, сказал, что кучу он считать не будет. И велел, чтобы каждый перед собой положил то, что он нарубил и навязал. Ну, а мы ведь вместе работали. Быстренько все поровну раскидали, и всем хватило, и даже лишние остались. Юзик их в свою кучу положил. Он вообще не работал со всеми, ну да ладно. Но тут произошло нечто совсем нехорошее. Уже перед самым приходом полицаи-учетчика Вовка вдруг вскрикнул:

– У меня веник пропал! Только что было точно столько, сколько нужно...

– А, понятно, – Юзик вдруг начальственно повернулся к Вовке, – не выполнил?

– Ты что, Юзик, мы же все вместе работали? – Это вмешался Серега Рубан, здоровенный парень, впрочем, совершенно безобидный.

– Молчать! – заорал вдруг Юзик. – Я тут старший.

Быстро он нахватался.

– Юзик, да ты что? – Рубан не замолк. – Да дай ему веник! Лишние, же!

– Станешь старшим, тогда командуешь, – Юзик явно задумал что-то нехорошее. – А ты салабон, подойди сюда.

Это он Вовке. Тот старше Юзика года на четыре был.

Но Вовка не стал возражать, подошел. Видно было, что Вовка предчувствовал что-то гадкое, но виду не подавал.

– Становись на карачки и целуй мне кеды, – голос Юзика, хоть и наглый, но выдавал, что он волнуется. – А я подумаю, что с тобой делать.

Вовка побелел, прямо как тогда, когда Алекса убили, и подошел ближе.

– Ну, давай целуй, интеллигент вонючий, – Юзик не унимался. – Давай, кеды в засос! А потом посмотрим, что ты еще умеешь.

Юзик посмотрел вокруг себя, вроде, как приглашая остальных развлечься.

Вовка очень внимательно и спокойно глянул в глаза Юзику. А потом коротким ударом ноги заехал тому в промежность. И повернулся и стал возле кучи своих веников.

Больше никто ничего сделать не успел, пришел полицей. Он не обратил внимания на то, что Юзик как-то странно скорчился и молчит. Просто пересчитал у каждого веники и увел Вовку. У того не хватало веника. Через мгновение из-за ангара раздался сухой щелчок пистолетного выстрела. Полицей вернулся и приказал Юзику, чтобы группа навела порядок там, за ангаром. До вечера никто из нашей группы не проронил ни слова. А Юзик тоже как-то сник. Правда, он буркнул что-то вроде: «Вот же люди, за веник удавится и жизнь отдаст».

Глава восьмая

Наутро нас послали опять на работы. Словно ничего вчера и не произошло. Безумная жизнь в лагере шла своим чередом. Но сначала был очередной прием пищи. Оказывается и брюкву можно есть. Только не много.

Работу теперь назначили по расчистке завалов бункера. Так сказали. И отправили десятку туда пешком. По шоссе с полчаса. Юзик все пытался заставить нас идти в ногу. Но Рубан его послал. Впрочем, для меня все происходило как в тумане. Мне казалось, что даже голоса я слышу откуда-то издалека. Я ведь думал, мы с Вовкой после этого лагеря вместе домой вернемся. Я его с пяти лет знаю. Знал. Помню, в футбол гоняли, а он такой невысокий, верткий. Но никогда по ногам не бил. Брат его Алекс, тот конечно такой был, строптивый... Был, был, были... Каждый шаг по шоссе отзывался в мозгу этими словами. Они были, были живы, мы были, были людьми. Я был, был... Я уже не есть. Я кусок мяса на тарелке перед мясорубкой. А вот эти кругом – полицаи, Юзик этот, кто они? Он же просто отомстил Вовке за поезд. Я потом нашел в кустах тот злосчастный веник. А ведь Юзик не остановится. Он так на меня зыркал...

– Ты с Вовкой дружил? – меня окликнул один из наших. Петя Кулик, самый старший в нашей десятке. Он даже не студент был, а аспирант, но полицаи не поняли разницы. Занимался чем-то там, связанным с автоматикой на железной дороге. Наверное, он очень любил свою науку и всем рассказывал про разные пульс-пары, защиты от собаки с цепью и тому подобные железнодорожные штуки. Но никто из нас не хотел слушать его неоконченную диссертацию.

– Я его много лет знал. Мы не очень, чтобы закадычные друзья. Рядом жили, поэтому у нас все было просто. То по месяцу не виделись, то он у меня торчал сутками. Он добрый был парень. И брата его убили. Несколько дней назад, – я понял, что мне надо с кем-то поговорить.

– Слушай, Петя, я вот что думаю, ведь сейчас жизнь наша стоит совсем ничего, – я уже не мог остановиться. – Но неужели этот концлагерь окончится когда-нибудь? Что, просто выпустят и все? Типа, прошли школу жизни. Зачем мы здесь вообще? Я не понимаю. Веники эти идиотские в обмен на жизнь собирать? Бред.

– Тихо, не так громко, Юзик вон, ухо остро держит, – Петя, конечно, был более осторожен. Он старше и больше меня знает. – Но ты, наверное, прав. Что-то тут не так.

– Слушай, а что делать? Ведь всё! Если вмиг пали великие государства и армии, даже огрызнуться не успели, что могу я? Я только выжить хочу, только выжить, – я говорил почти шепотом. Как сам с собой.

– Ну и надо выживать. Искать шанс, чтобы выжить сегодня, чтобы потом...

– Петя – потом не наступит! Оно уже не наступило для многих. Может, и для моих родителей тоже. И все гибнут непонятно ради чего! Что мы сделали в нашей жизни такого, что стали жертвенными баранами?!

– Это что за бараны там? – черт, Юзик услышал, – это кого вы там баранами обзываете?

– Юзик, мы про шашлык говорим! Мечтаем! – Петя не дал мне раскрыть рот.

– А, ну помечтайте, помечтайте! – Юзик, конечно, сам баран порядочный, – а мне по должности на обед дадут!

– Петя, – я постарался говорить совсем тихо, – ты как думаешь, хоть кто-то сопротивляется? Хоть кто-то?

– Ты сопротивляешься, – неожиданно ответил Кулик. – Я сопротивляюсь. Нам надо выжить. Просто выжить, без каких либо условий. Кроме одного, остаться людьми. Такими, которыми мы были раньше. А это сложнее, чем просто выжить. Намного сложнее.

– Такими мы уже никогда не будем, – я опять чуть было не перешел на крик. – Да и что могу я, или можешь ты сам по себе? Выжить и то не получается!!!

Петя не ответил. А может и ответил, но я не расслышал. Я ответил себе сам. Человек может все. Я могу все. Я не могу позволить себе, чтобы Вовка, его брат, и многие другие умерли просто так. Они ведь были первые, кто сказал «нет». Я смогу все. Я отомщу.

Расчищали мы совсем не бункер. Какую-то разрушенную мастерскую. Там, видно, машины раньше чинили. А потом взорвалось это заведение к чертовой матери. Или сенты жакнули со своего транспортера. Юзик и тут проявил осведомленность – заявил, что начальник лагеря хочет сделать для себя фирму и с разрешения властей нас привлекает на полезные виды работ. Так что мы должны учесть, если поработаем как надо, нас отметят. Интересно, как?

Работы было много. Все сразу пошли вглубь двора к бетонной пристройке. Там был самый большой завал. Юзик велел его первым разгрести. Я на секунду задержался и говорю ему: «Смотри тут, в основном здании, много арматуры торчит», и предложил – «Вон аппарат сварочный, газовый, можно порезать все нафиг, и работу сделаем быстрее». Юзик заявил, что если умею, то могу попробовать. Но если я понтуюсь, и просто не хочу руками работать, то он со мной разберется. А то много умников городских развелось.

Баллоны газовые стояли в углу. Я там полазил, нашел один с кислородом, их ведь в голубой цвет красят. Я ещё раньше придумал, что надо делать. Аккуратно смазал маслом вентиль и патрубок выхода тоже. Банка с густым маслом, скорее всего, солидолом, валялась под верстаком. И нацепил сверху шланг, соединенный с резаком, как будто он привинчен. Резак я нашел там же, в верстаке. Ну и говорю: «Я должен сейчас шланг с соплом подтянуть к арматуре, которая за стенкой, а ты потом вентиль открой». И объяснил, что нельзя, чтобы баллон рядом с горелкой находился, потому что если утечка, то возможно воспламенение.

Я разложил шланг так, чтобы самому за стенкой бетонной оказаться. И кричу Юзику: «откручивай!».

Я, конечно, сильно рисковал. Это в книжках пишут, что при соединении масла и кислорода происходит чудовищный взрыв. А вдруг баллон пустой или вообще, не взорвется? Но в книжках не ввали. Только, сползающие по стене мозги, вперемешку с кровью выглядели отвратительно. Гадко было еще и потому, что сразу после взрыва прискакал кролик, или заяц, я не очень их различаю, и стал это все слизывать. Он совсем не боялся ни меня, ни сбежавшихся ребят. Но мы и не хотели подходить близко. Так, постояли молча.

Работу пришлось доделать, задание есть задание. И в лагере никто из полицаев ничего не сказал. Только главный приказал построиться, посмотрел на нас безразлично, ткнул в меня пальцем и заявил:

– Теперь ты будешь старшим десятки, – потом подумал и добавил так, с вальяжным отращением: – восьмерки. Но норму мы вам не снизим. Или снизим. Надо посмотреть.

Глава девятая

Вы попробуйте украсть шашлык в шашлычной и сразу его слопать на виду у повара. Хотя нет, это совсем не то ощущение. Так муторно я себя вообще никогда не чувствовал. Хороший психолог был, тот, кто это придумал. Или они издеваются над нами без злого умысла, просто по велению души? Я ничего плохого не увидел в том, что я стал старшим, может, даже наоборот. Но вот на утро, когда после подъема отправились на завтрак, я понял, как крупно влип и впервые после назначения меня старшим испугался всерьез. Даже полицейай, который ходил в столовой между столов – следил, чтобы соблюдали правила и порядок, что-то почуял. Остановился возле нашего стола и стал так внимательно на меня смотреть. Как я буду жрать омлет с ветчиной, когда остальным опять брюквы накидали? Даже ботву толком не отрезали. А я не знал, могу ли я просто не есть или это тоже наказуемо. И давился этой гадостью. Потом, когда мы вышли из столовой, и я должен был построить группу, меня вывернуло наизнанку. Еле успел к кусту отвернуться. Полицейай заметил и стал говорить, что свиньи всегда найдут дерьмо и нажрут. Но делать ничего не стал, ограничился руганью. Наверное, блевать старшему по группе не запрещалось.

А потом, как обычно, раздали наряды на работу. Нас послали траву на обочине шоссе вырубать. Выдали тупые палаша и приказали: «Норма – километр в час». Мы сначала молчали. Я не мог говорить, думал, все считают меня предателем или ещё хуже. А я считал себя вообще, не знаю кем. Вспоминал, как я этому Юзику руку в поезде жал, как Толик, мой приятель, тоже в полицейай подался... А Ива, интересно, где она? Сашка, остальные – где? Интересно, а где сейчас Пыльцын? Алла-Эмаль, и другие, что со мной в ролевке играли... Как хорошо было. Тоже в лагерях? Небось, не стали бы как я с мразью вроде Юзика якшаться? Выкинь я его из поезда тогда...

От самокопания меня отвлек Рубан:

– Слышь, Андрей... Мы тут с мужиками..., ты, в общем...

Мне сначала показалось, что он сейчас что-то плохое скажет.

– Ты не дергайся, что тебя в старшие двинули. Ты вроде нормальный парень, разве что слегка такой, малоопытный. Так что ты не бойся. Мы думаем, ты не падла, и все нормально будет.

Ничего себе разговорчик. Откуда словечки такие?

– А жрать пайку вы мне как прикажете? Глаза закрывать, чтобы не видеть, как вы брюквой давитесь? – Я очень обиделся. Не нужно было мне объяснять, что я не падла. Я не сомневался в этом.

– А хорошая идея, – вмешался Кулик. – Закрывай глаза и лопай. Если тебя шлепнут, то могут урода, почище Юзика, прислать. Вот тогда мы пожалеем, что ты диету не соблюдал.

Петя почему-то рассмеялся.

– Да не могу я так! – Начал я. – Ой, ребята, смотрите, как красиво идут!

Это я увидел, как из-за леса выскочил десяток сентовских аппаратов. Тех самых, что летают высоко и крыльями машут.

– Пацан ты все-таки ещё, – сообщил Игорь, – самолетиками интересуешься.

– Не пацан я! – не люблю я, когда со мной снисходительно. – Мне важно все, что с этими сволочами связано!

Тут Кулик, он ко мне лицом стоял, стал подмигивать. Я понял, он вроде мне «заткнись» говорит. Опять боится, что я что-то не то ляпну. Но ведь кругом только свои, ребята из нашей группы.

– Так, я начальник и хватит болтать! Норма она того! Не хуеет.

Мое заявление подействовало, и мы принялись рубить тяжелыми палашами бурьян. С той стороны, куда полетели сенты, донеслись глухие хлопки, похожие на выстрелы. Вроде совсем не далеко, прямо за лесом. Видно, у новых властей не все так гладко. Кто-то ещё сопротивляется всерьез. Ну, по крайней мере, мне так хотелось.

А в обед – опять попытка еды. Правда, Рубан подмигнул весело и шепнул на ухо: «Ничего Андрюха, это не самое сложное, чему надо научиться в жизни... Ты подумай, ведь наша судьба от тебя зависит». Он выпрямился и добавил уже громко: «А твоя – от нас». Ну что за манера выражать мысли не иначе как в оскорбительной форме?

После обеда нашей десятке (восьмеркой её называть так и не стали, но никого нового в группу не добавили) лично Зубо велел подождать особого наряда. Когда все разбрелись – кто рубить бурьян, кто кухню драить, кто огороды полоть у полицаев (они уже обзавелись домиками вокруг лагеря, жен попривозили), главный подошел к нашей группе, топтавшейся без дела возле столовой.

– Ну что, бестолочи заученные? – это, наверное, он так шутил. – Пора ваши знания применить.

Было очень трудно понять ход мыслей Зубы и его идеи о том, как можно применить знания восьми человек, один из которых физик недоученный, один историк, два агронома и железнодорожник. А Рубан и Игорь и того хуже, по-моему, филологи были. Вообще, про мирную жизнь тут не любили говорить.

– Так вот! Вам доверят ответственную работу! – многозначительно начал свою речь полицаи. – На точке объекта, находящейся на удалении от лагеря, необходимо подготовить площадку для строительства. Вырубить лес, подготовить фундамент, разработать ландшафтный дизайн!

– Ландшафтный дизайн? – рискуя нарваться на неприятности, переспросил Игорь.

– Ну да! – Зубо не оценил разночтений. – Чтобы ровно было!

– Извините, для нас существенно знать, какой тип объекта предполагается строить? – я решил добавить важности нашей работе. – Гражданский, специализированный? От этого сильно дренажная иерархия зависит.

Я видел примерный уровень интеллекта Зубы. И, наверное, я ему польстил, заведя столь умный разговор. Хотя был риск, что он поймет, что я издеваюсь.

– Там будет местожительство важных персон! Поэтому сейчас вы отправитесь со мной и с нашим специалистом – строителем. Я покажу, где участок, он не знает ещё, не знает дислокации, а там уже проследит, чтобы все было нормально. Как работа наладится, и оправдаете доверие – будете уже самостоятельно. Если успешно – в ваши карточки учета будет занесена благодарность!

Интересно, какие там карточки учета? Они же нас даже не переписывали, кого как зовут. Да ладно.

В итоге нас посадили в маленький автобус. Мы разместились вдоль стен в глубине салона, впереди главный и его строитель. Мордатый такой мужик. Похож на какого-то комика из кино. И ещё всякий инструмент загрузили. Пилы, топоры, веревки.

Ехали не очень долго, с полчаса. Сначала по шоссе, потом по лесной дороге. Потом Зубо приказал выгрузиться. Мы выскочили из автобуса, и стали доставать инструменты, но тут тот второй, комик, вдруг раскомандовался. «Ты возьми это, ты возьми то, куда тянешь, придурок». Судя по всему, он старался показать начальству, какой он незаменимый и важный. В результате его деятельности выгрузка затянулась, но, в конце концов, мы разгрузились и двинулись в сторону от дороги, в глубину леса.

Место было очень красивое. Родник, вокруг него невысокие лиственные деревья, а потом сразу сосны и ели. Кустик земляники, прямо на краю лужицы от родника, макал зеленый лист в прозрачную воду. И тихо, и спокойно. Словно на другой планете.

– Вот тут, надо сначала от деревьев расчистить, и потом уже все остальное, – это Зубо строителю своему, Пуговкину. Я вспомнил, как того артиста зовут.

Пуговкин был рад стараться. Сразу стал брать под козырек и давать совершенно бестолковые указания нам. Что рубить, где копать... Вообще, полицаи не козыряли друг другу, а этот видно из бывших, из прапорщиков. Я вопросительно посмотрел на Зубо, и тот понял мое беспокойство. И говорит Пуговкину:

– Да не спеши! Пусть студенты тут разметят все, план составят, а потом ты командование и примешь.

Пуговкин вроде согласился, но, яростно разгоняя комаров и всяких мух (их действительно, слишком много в этом году развелось), решил лично рулетку развернуть. Большую такую, метров на двадцать пять. Дал в руки Рубану конец желтой ленты, а сам с катушкой, на которую была намотана лента, ринулся в сторону чащи. И тут случилось такое, чего я никогда в жизни не видел. Из-за соседнего дерева вдруг выскочило несколько зайцев и прямо на Пуговкина. И так высоко прыгают, прямо до головы его достают. А Пуговкин почему-то зайцев испугался и давай бегать между деревьев. А зайцы за ним. И подскакивают, и норовят за лицо укусить. И потом ещё птицы вдруг, сороки, стали тоже за ним гоняться. Да и не только за ним. На нас пикировали, как «Мессеры». Я отмахивался пилой двуручной, чуть не изрезался. Ну, мы все с перепугу и ломанулись обратно к микроавтобусу.

Спрятались там, а Зубо говорит:

– Это хорошо ещё, что зервудак не пришел. Расплодилось гадости всякой. Никакого уважения к человеку нет.

– Извините, а зервудак, это кто? – я впервые услышал такое слово.

– Не знаю, – тот даже не стал изображать начальника. А просто так ответил, без важных интонаций. – Говорят, человеку голову враз откусывает. И раньше в наших лесах эти твари не водились.

– А вы чего тут расселись? – Зубо как будто очнулся. – Кто разрешил?

Он стал орать и требовать, чтобы мы немедленно нашли полицаю строителя. И главное, на меня кричит: «Ты что личный состав распустил, давно не наказывали?!» А сам выйти боится.

Я не хотел командовать. Ребята свои, все и так бы поняли. Но делать нечего.

– Группа!!! – поднял я ребят нечеловеческим голосом. – Инструменты в руки, на выход, стать кругом!

Я это для того, чтобы начальство успокоилось. Вроде у нас дисциплина, как в армии, а то и ещё лучше. И ребята выполнили приказ на полном серьезе, как хорошо вымуштрованные солдаты. Вооружились кто чем, стали кольцом, чтобы обзор на триста шестьдесят градусов и пошли в сторону того самого места, где Пуговкин недавно бегал от зайцев. А я впереди. И молоток держу – первое, что попало в руки. Дошли спокойно, я молотком комаров гонял. А там десяток зайцев Пуговкина дожирали. Он ещё дергался, наверное, конвульсии. Мы заорали, совсем не от боевого азарта, а от страха, и стали за этими зверями не на шутку гоняться. Но вот пока гонишься, вопишь нечеловеческим голосом, ничего, а вот ударить трудно, неприятно так – он же, заяц, маленький. Как его молотком по голове? И кричит, когда стукнешь, как ребенок. И норовит в лицо вцепиться. В общем, отогнали. И потом Зубо позвали, посмотреть. Он так побледнел, когда увидел, что от его строителя осталось. Но все таки взял себя в руки и сказал, что удовлетворен тем, как мы себя проявили, и нам доверяется работать тут самостоятельно. И работу дальнейшую необходимо с утра начать. А он уезжает на другие объекты. Ну, я как старший группы спросил его – «как же мы тут в лесу ночью?» А этот – мы, мол, вам доверяем. И уехал.

Ага. Доверили... Ясно, что никуда мы не денемся. Первый же полицай нас пристрелит на дороге. И тут ещё этот, зайцами затравленный, в траве лежит. Закопать его надо. Игорь предлагал оставить его на съедение зверям. Но зачем их запахом привлекать? И еще мне, конечно,

было очень неприятно, но пришлось у трупа в карманах порыться. Они были мокрые, липкие, и я осторожно, двумя пальцами, извлекал содержимое. Нож. Плохой – складной и тупой. Документы всякие, прочесть невозможно, все запачкались, зажигалка. И пистолет, такой маленький, в заднем кармане брюк. Я подумал, что это шанс. Пистолет может иногда выручить в жизни, особенно, такой как сейчас.

Мы оттащили тело подальше в лес и закопали. Можно было и так бросить, как ребята предлагали, но он же человек все-таки.

Настроение после этих зайцев и рассказов про зервудака было совсем не боевое, даже, можно сказать, подавленное. Но мы надеялись, что сможем продержаться, тем более что найденная зажигалка вселяла в меня надежду – огонь, он помогает выжить в лесу. Вот только жрать хотелось. В лагере тоже хотелось, но там голод отчасти подавлялся даже теоретической невозможностью съесть что-нибудь. А тут... В общем, я решил не терять времени зря.

– Так, – хоть у меня у самого сил не осталось, я решил поднять ребят, – давайте делом заниматься. Нечего прохлаждаться.

Странно, никто не ляпнул: «Ты кто тут такой?» Только затихли, ожидая конкретного приказа.

– Так, – повторился я. – За дело! Петя, Игорь – берите топоры и пилу. Нужны дрова. Рубан, ты в грибах понимаешь?

Рубан сказал, что не понимает, но тут другой, маленький Смирнов, его по фамилии всегда звали, сказал, что разбирается. Вот их – Рубана и Смирнова я назначил ответственными за поиск пищи. Надо все-таки воспользоваться случаем.

А сам решил попробовать счастья с пистолетом Пуговкина. Зайцев-то много!

– Да, ребята, вы должны понимать, – это я уже так, не командно, хотя, какой из меня командир? – Если кто завтра не вернется в лагерь – прихлопнут всех.

Никто ничего не сказал, но было ясно – не подведут.

Я отошел от нашей стоянки подальше, чтобы уже не было слышно голосов товарищей, и устроил засаду на зайцев. Я надеялся, что они никого и ничего не боятся и шастают тут толпами.

В начале я не обратил внимания, но постепенно скрип одного из деревьев стал меня раздражать. Почему все деревья скрипят тихонько, а это в глубине леса так неприятно громко. Было ещё светло, пистолет придавал мне некоторую уверенность, и я решил проверить, что там такое.

Его, наверное, выбросило из кабины, когда самолет уже врезался в деревья. Было видно, что самолет срезал верхушки нескольких сосен и потом просто развалился на земле. Но не загорелся. А пилот катапультировался в последний момент и повис, зацепился парашютом за сосну тут же, рядом. Стропы перегнули толстую ветку, и та терлась о другую, когда он качался как на ветру. Мне сначала показалось, что он шевелится. Но потом... Какая гадость. С десяток белок обгрызали его со всех сторон. Наверное, давно. Даже кровь уже не капала... Страшный, полуосвежеванный труп в лохмотьях комбинезона. Я не помню, как залез на эту сосну. Я резал тупым полицейским ножом стропы. Потом было так трудно опустить его вниз, не дать сорваться. Почему-то я не мог допустить, чтобы он просто упал. Он уже падал последний раз. Я отрезал кусок его парашюта и накрыл тело. Немного повозившись с застежкой, я освободил голову пилота от шлема. Это был совсем молодой парень. Ну, может на год-два старше меня. И тут до меня дошло – сегодня утром летело звено чужих. Это за ним, наверное, гнались.

Запах жарящегося на вертеле зайца умопомрачителен. Мне казалось, что все мои ... А как их называть? Друзья? Нет, наверное, это не то слово. Соратники? Какая там рать, вон, зайцев, которых я все-таки набил из засады, еле ободрали. Тоже мне, ратники. Подчиненные?

Вообще дурь. Наверное, товарищи, ну пусть так и будет. Так вот, мои товарищи как один стали играть в странную мазохистскую игру, причем не сговариваясь. Никто не хотел пробовать, готово мясо или нет. То ли из боязни, что первый за долгое время кусочек мяса свалит с ног, то ли чтобы не перебить аппетит? Да ведь после такого поста перебить аппетит можно только вместе с его владельцем. Так что пришлось мне, как личности глумливо-откормленной, так Леша Шарый и сказал, заниматься приготовлением пищи. Остальные просто старались не смотреть на костер. Но от запаха – куда денешься? Только соли не было. Тот же Шарый даже пытался обследовать обломки истребителя, вдруг там какой-нибудь сухой паек есть? Но среди обломков машины ничего не нашлось. Под мышками на робах тоже ничего особого он не наскреб, хотя я думаю, это он просто так – изображал обезьяну. В самом деле, когда ты видишь доступное мясо после такого перерыва, то...

А кстати, сколько прошло времени с тех пор, как мы тут? Кто считал эти дни? Почему-то казалось, что мы здесь много-много дней. Или три? Всего-то ничего, а вон роботы уже на всех болтаются, даже на мне, хоть мне некуда худеть. Да, а вот интересно, какое сегодня число? Впервые за лагерную жизнь я заинтересовался временем. И впервые я стал думать о чем-то таком... Ну, как бы сказать не патетично – забытом.

А зайцев я набил нужное количество! Восемь штук, каждому по зайцу. Смешной счет – каждому по зайцу. Вроде как «от каждого по возможности, каждому по зайцу». Почти коммунизм. Удивительное ощущение – горячее мясо, сочное, вкусное даже и без соли, вводило всех в состояние легкой эйфории. Как будто мы ели не тощих грызунов, а сидели в шикарном баре и тянули экзотические коктейли. Хотя, какие к черту грызуны! Они загрызли того строителя в десять минут! Нет, определённо грызуны.

– О, мужики, – у меня заяц кончался, и захотелось поговорить, – а интересно, почему это зайцы на людей нападают, белки те же, а другие звери нет? Почему не волки, там, или медведи?

– О, ты и сказал, – Рубан, а он был родом из средней полосы, ответил, держа в руке косточку, как дирижерскую палочку. – Ты когда здесь волков и медведей видел? Кто в лесу живет, тот и нападает! Тут ещё лоси водятся и кабаны...

– У-х-р-р-р, – Кулик, кажется, понял что-то важное и поперхнулся, – а много их тут?

– Да нет, раз в год промелькнут вдалеке, – успокоил Рубан.

– Ага, раз в год. Зайцы тоже, небось, не стадами бегали...

У меня создалось впечатление, что меня все-таки поняли. Ребята стали как-то слишком сосредоточенно и молча доедать мясо. Праздничной трапезой это поедание зверей было назвать трудно. Мысль об агрессивных лосях очень тревожила.

– А давайте поставим дежурного на ночь? – осторожно предложил Игорь. – Так, на всякий случай?

– А давайте все-таки попробуем разобраться, что же такое случилось, что мирный кролик стал агрессором? – Меня интересовала суть явления, а не возможный приход хищного рогатого скота. – Может, нас опрыскивают чем-то таким в лагере, что они от запаха бесятся?

– Так сожрали не нас, а строителя, – хмуро проворчал Леша. – Более дурацкой смерти не придумашь.

– А можно подумать, что у всех наших смерть не дурацкая была, – возразил Рубан. – А полицаи тоже могли пахнуть, как и мы. С кем поведешься...

Меня это почему-то сильно задело:

– Нет, я не считаю, что Вовкина смерть была дурацкая! Он был парень настоящий и не стал пресмыкаться. Он хоть что-то сделал, чтобы показать сволочам – мы не быдло...

– Он показал только то, что потерял веник, – грустно проговорил Кулик. – Это для нас он ...

– А хоть и только для нас! – мне почему-то не хотелось просто так предавать память товарища. – Хоть для одного человека он станет, ну если не примером, так хотя бы покажет – нельзя терпеть бесконечно, нужно хоть что-то делать!

– Лихо ты от кроликов к партизанам перешел, – не очень умно пошутил Леша. – Кролики-то тут причем?

– А при том! Неужели непонятно – неожиданно для самого себя у меня нашлось объяснение. – Человек перестал быть царем природы. Стал отбросом! Занял самую низшую ступень в природной иерархии! И все, кончилось человечество! Теперь каждый драный заяц его может укусить и более того – хочет это сделать!

– Им что, так на собрании зверином объяснили? – Рубан был совсем пессимист. – Или им самим дошло? Кроликам этим.

– Им письма разослали, е-мейлы спамовые, – Кулик, остряк-самоучка.

Эта идея с заячьим спамом очень всех развеселила. Стали рассуждать о зверином Интернете, и какие порно-сайты смотрят ежи. Такое ощущение было, что все напились.

– Слышь, командор, – ко мне обратился Леша, – а ты чем до войны занимался? Кроме как науку свою изучал?

– Почему командор? – я очень удивился, что всплыла вдруг моя старая кличка.

– Ну, не командир же? – Шарый добродушно улыбнулся. – До командира дослужиться надо. А ты – командор! Командор пиратского судна. Так чем ты занимался? Я вот, пластинки собирал! У меня, знаешь, какая коллекция была!

– А я в ролевки играл, – соврал я. И вправду, то, что я два раза участвовал в этих нелепых играх, не значило, что я этим занимался.

– Куда? – не понял Рубан. Хотя, наверное, просто так пошутил.

– Не куда, а что! – ответил за меня Кулик. – Ролевые игры!

– Это как? – Рубан явно не понимал. – На деньги?

– На интерес, – встрял Шарый. – Это, темнота ты семиподвальная, такая наука. Когда каждому свои правила, и они там, кампанией своей тренируются бизнес строить. Бизнес-игра называется. Ролевая.

– Да нет, – я даже удивился, что он подумал об этом всерьез. – Это проще. Развлекуха. Мы собирались, назначали друг друга магами, рыцарями там, эльфами и эльфийками, прекрасными дамами, орками. И, ну играли в игру по сценарию. Не строгому сценарию, не спектакли, а так. Импровизация. Вроде как на компе в стратегию, только вживую. Но это такой, поверхностный взгляд. На самом деле все сложнее. Это такой способ самореализации, познания себя и мира. В экстремальной ситуации и, вообще, в ситуации, которой быть не может. Проверка силы характера, если хотите.

– Делать вам не фиг было, – Рубан даже скривился.

– А, – Шарый вдруг расцвел. – Знаю! Это те придурки, что с деревянными шпагами бегают? И толстые и некрасивые девки изображают хрупкие нежные создания? Был у меня такой знакомый! У него просто крыша слетевшая была. А ты что, тоже такой? Никогда бы не подумал...

– Да нет, – я пошел на попятную. Мне стало стыдно. – Я так, пару раз там участвовал. Девушка моя этим увлекалась, ну и я тоже...

– А, понятно... – Рубан сказал, что понял, но непохоже было на то, что он действительно понял. – Это как в карты, только для тех, кто в карты играть не может научиться. Протез жизни.

– Ну, вроде, – я не хотел развивать идею. Хоть и было мне слегка досадно и обидно за ролевиков. Там нормальные ребята в основном были... Опять это гадкое липкое слово – были. И нету никого, кто теперь вспомнит об этих ролевках. Да и к месту ли эти воспоминания? В десятке метров от свежей могилы полиция и в сотне от разбитого истребителя. Может быть,

принявшего последний бой на Земле. В лесу полном гадости, желающей смерти человеку просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.